

Валерий Антонов

**Грамматическая
машина. Том 13:
Машина вероятности
— Юмовский ИИ**

Грамматическая машина

Валерий Антонов

**Грамматическая машина.
Том 13: Машина вероятности
— Юмовский ИИ**

«Автор»

2026

Антонов В.

Грамматическая машина. Том 13: Машина вероятности
— Юмовский ИИ / В. Антонов — «Автор»,
2026 — (Грамматическая машина)

Английская грамматика — не нейтральный инструмент. Она принуждает мыслить субъект, субстанцию, причинность и тождество даже там, где философ хочет говорить о чистом потоке впечатлений. Давид Юм честно зафиксировал это напряжение, но не мог его устранить. Томас Грин перевёл юмовский скептицизм на операторный язык, превратив протокол сбоя в карту работы Грамматической машины. Этот том разворачивает компаративистскую анатомию пяти машин: Спинозы (необходимость), Лейбница (гармония), Юма (протокол), Рида (доверие) и Канта (критика). Обнаруживается, что современный ИИ — трансформеры, диффузионные модели, RLHF — работает в юмовском режиме: он оперирует вероятностями, а не истинами, и воспроизводит центральную апорию связки «to be».

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Грамматическая машина Давида Юма (ГМ Юма).	5
Общее Введение. Компаративистская анатомия Грамматических машин: от греческого артикля к архитектурам искусственного интеллекта.	6
0.1. Почему грамматика, а не только понятия?	6
0.2. Почему английский, а не латынь?	8
Часть I. Лигатура Лейбница — Юма: от гармонии к протоколу.	12
Введение: Почему их ставят рядом (и почему это неправильно).	12
1. Историческая не-встреча.	
2. Первая лигатура: Трансдукция как общий оператор («как если бы» и «привычка»).	16
3. Вторая лигатура: Фигура Гаранта (Бог у Лейбница, грамматика у Юма).	21
4. Третья лигатура: Единичность без субстанции (Монада против пучка восприятий).	25
5. Четвертая лигатура: Экология против протокола (два ответа на один ужас).	30
6. Итог раздела: Лигатура как структура, а не влияние.	36
Часть II. Неожиданная лигатура: операторное сходство Спинозы и Юма.	40
§1. Общее ядро: диагностика того, что грамматика .принуждает, а не просто выражает.	41
§2. Трансдукция как общий оператор перехода без логического обоснования.	43
§3. Имманентный гарант вместо трансцендентного.	45
§4. Смерть личного «я» как грамматической позиции.	46
§5. Что остаётся различным (и почему сходство не отменяет различий).	47
Закключение к разделу. Две фазы одной рефлексии.	48
Часть III. Мета-операторы, апория и лигатура: от Локка и Беркли к Юму, Спинозе и Лейбницу как двум фазам одной рефлексии.	49
Введение к Части III. Что добавляет Грин.	49
Глава 1. Линия Локк — Беркли — Юм: эмпиризм как нарастающая рефлексия.	50
Глава 2. Две фазы одной рефлексии: Спиноза, Лейбниц и Юм.	52
Глава 3. Трансдукция как общий оператор трёх машин.	54
Глава 4. Имманентный гарант и смерть субстанциального «я».	55
Закключение к Части III. Линия Локк — Беркли — Юм и две фазы рефлексии.	56
Часть IV. Алгоритмы. Грамматические операторы и напряжение тождества.	57
Глава 1. Артикль как инструмент онтологического различения (A1-IMPRESSION / A2-COPUL / A3-VOID).	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Валерий Антонов
Грамматическая машина. Том 13:
Машина вероятности — Юмовский ИИ

Грамматическая машина Давида Юма (ГМ Юма).

Подзаголовок: Протокол распада тождества и сборка вероятностного ИИ на основе английской грамматики.

Общее Введение. Компаративистская анатомия Грамматических машин: от греческого артикля к архитектурам искусственного интеллекта.

0.1. Почему грамматика, а не только понятия?

Философские тексты традиционно читаются как изложение учений. Платон учил об идеях. Аристотель — о сущности. Декарт — о дуализме. Спиноза — о монизме. Лейбниц — о монадах. Юм — о привычке. Кант — о категориях. Рид — о здравом смысле. Такой подход предполагает, что философ сначала имеет некоторое содержание мысли, а затем выражает это содержание в языке. Язык здесь выступает как внешняя оболочка: содержание может быть пересказано другими словами, переведено на другой язык, изложено в виде схемы.

Однако этот подход упускает из виду среду, в которой философские учения рождаются, — язык. Мысль не просто «выражается» в языке. Язык не является нейтральным инструментом. Он предоставляет устойчивые грамматические конструкции — артикли, падежи, порядок слов, времена, наклонения, — которые предрасполагают к определённым концептуальным ходам, делают одни онтологические решения более естественными, чем другие. Философ может сопротивляться этому давлению, может использовать язык вопреки его привычным траекториям, но само это сопротивление всегда происходит внутри языка и требует специальных усилий.

Парменид не просто «выразил» свою мысль о бытии с помощью греческого языка. Греческий артикль среднего рода «τό», способный субстантивировать глагол «εἶναι» в «τὸ ὄν», предоставил тот грамматический ресурс, который сделал эту мысль возможной. Декарт использовал латинскую субстантивацию атрибутов через суффикс «-tio». Латынь, не имея артикля, делает этот переход от процесса к сущности грамматически незаметным. Спиноза, владевший ивритом, использовал оператор тождества «sive» для построения монизма, невозможного в латыни без этой контр-модели. Лейбниц, писавший на французском, использовал неопределённый артикль «une» и конструкцию «comme si» для построения плюрализма без субстанциального носителя. Кант, писавший на немецком, использовал грамматические ресурсы для построения трансцендентальной философии.

Центральный случай этого тома — Давид Юм. Юм писал на английском языке с его фиксированным порядком слов и обязательной связкой «to be». Эти грамматические черты создают особое напряжение для философа, желающего описывать реальность как поток событий без субстанциальных носителей, без необходимых связей и без тождественного «я». Скептицизм Юма — не психологическое состояние и не эпистемологическая позиция. Это индикатор структурного конфликта между процессуальной онтологией и грамматикой английского предложения.

Томас Грин в своём анализе Юма совершил нечто большее, чем просто «перевод» юмовского скептицизма на операторный язык. Он восстановил линию, идущую от Локка через Беркли к Юму, и показал, что на каждом этапе этой линии эмпиризм наталкивается на грамматические ограничения, которые не может преодолеть. Грин показал, что юмовский скептицизм — это не психологическое состояние и не эпистемологическая позиция, а индикатор структурного конфликта между онтологией чистого процесса и грамматикой английского предложения. Грин перевёл этот конфликт на операторный язык. Он дал имена операторам, которые Юм только чувствовал. Он показал, что Локк и Беркли не видели этого конфликта, Юм его зафиксировал, а Грин его операционализировал.

Задача этого тома — компаративистская анатомия Грамматических машин. Мы будем анализировать философские тексты как операторные системы, в которых устойчивые грамматические конструкции работают как алгоритмы: грамматический вход → логическая операция → метафизический результат. Мы проследим, как смена языка меняет набор доступных операторов и, соответственно, ландшафт философских возможностей. И мы покажем, что эти операторы продолжают работать в современных системах искусственного интеллекта — часто без ведома их создателей.

0.2. Почему английский, а не латынь?

Латынь была языком философии на протяжении полутора тысяч лет. Она породила схоластическую дистинкцию, картезианский дуализм и Спинозовский монизм. Это мощная грамматическая машина с развитой падежной системой и свободным порядком слов. Почему же в центре нашего анализа оказывается английский язык Юма?

Дело в специфической конфигурации грамматических черт, которая порождает уникальное напряжение при попытке выразить строго эмпиристскую онтологию. Юм хочет говорить о потоке впечатлений, о смене перцепций, о том, что нет постоянного «Я», нет субстанции, нет необходимой связи причины и следствия. Но английский язык требует субъекта в каждом предложении, требует связки «is» для каждого утверждения, требует артиклей, превращающих события в исчисляемые объекты. Каждое предложение «Трактата о человеческой природе» — это структурное напряжение между тем, что Юм хочет сказать, и тем, что его грамматика позволяет ему сказать.

Это напряжение лучше всего видно в сравнении с греческим скептицизмом. Греческий язык располагал артиклем и частицами, позволявшими маркировать уровни высказывания и приостанавливать суждение. Английская грамматика XVIII века не предоставляет столь же гибких инструментов для дистанцирования от собственных утверждений. Когда Юм пытается сказать, что «Я» — это всего лишь пучок восприятий, грамматическая форма «The self is a bundle» уже задействует связку тождества, которая вносит напряжение в само утверждение.

Спиноза, писавший на латыни и знавший иврит, имел доступ к нулевой связке и дательному субъекта. Лейбниц, писавший на французском, имел оператор «comme si». Юм, запертый в английском, не имел ничего подобного. Именно эта бедность грамматического арсенала сделала его скептицизм неизбежным, но и более честным: он не мог скрыть фикции за грамматическими операторами. Он мог только зафиксировать их.

Таким образом, выбор английского языка как объекта анализа мотивирован тем, что он представляет собой предельный случай: грамматическую систему, которая делает наглядным конфликт между процессуальной онтологией и субстанциальной грамматикой. Анализ этого конфликта, выполненный Томасом Грином и переведённый нами на операторный язык, составляет ядро настоящего тома.

0.3. Что мы обнаружили: краткий обзор содержания.

Исследование, представленное в этом томе, разворачивается в семь частей, которые последовательно проводят читателя от микроанализа грамматических операторов через функциональные регистры и мета-операторы к проекции на современный ИИ и компаративистской анатомии пяти Грамматических машин.

Часть 1. Алгоритмы. Микроанализ грамматических операторов ГМ Юма — девяти алгоритмов, которые работают на уровне отдельных грамматических форм. Три артиклевых оператора: A1-IMPRESSION (неопределённый артикль, производящий онтологию события), A2-COPUL (определённый артикль, производящий эффект фиктивного тождества), A3-VOID (нулевой артикль, маркирующий имя без референта). Два оператора порядка слов: A4-SVO-INFER (фиксированный порядок SVO, симулирующий причинность), A5-CONSTANT-CONJUNCTION (сочинительная конструкция «A, then B», маскирующая причинность под последовательность). Два модальных оператора: A6-MOD-PROB (модальные глаголы как шкала градуированной уверенности), A7-INFER-HABIT (глагол «will» как проекция прошлого на будущее). Оператор процессуальности: A8-ING-BEING (герундий как попытка удержать процесс, не достигающая полной победы над субстанцией). Оператор свидетельства: A9-PERFECT-TESTIMONY (Present Perfect как перформативное установление связи прошлого с настоящим).

Часть 2. Регистры. Функциональные блоки, в которых алгоритмы работают совместно. S1-FORCE-LIVELINESS — регистр «Впечатление vs Идея», где интенсивность не имеет грамматической формы. S2-MATTER и S3-RELATION — регистры «Факт vs Отношение идей», где связка «to be» уничтожает различие, которое философ пытается провести. S4-IDENTITY — регистр тождества как грамматической условности, где определённый артикль «the» производит тождество из контекстуальной идентификации. S5-TESTIMONY — регистр свидетельства через Present Perfect, где перформатив грамматики создаёт обладание прошлым опытом.

Часть 3. Мета-операторы и Апория. Переход на уровень мета-регистра. META-HUME — мета-оператор нулевой субъектности: попытка избавиться от «я» через безличные конструкции, которая не может избавиться от грамматической позиции подлежащего. META-TRANSDUCTION — мета-оператор трансдукции: грамматическое переключение между формами, которое выдается за логический или психологический переход. Центральная апория — C3-APORIA-PSEUDOS в режиме copula-ghost: связка «to be» одновременно утверждает существование и тождество, склеивая два несовместимых режима в одной грамматической форме. Эта апория является не ошибкой Юма, а структурной границей английской грамматики.

Часть 4. Проекция на GM+ИИ. Проецирование ГМ Юма на современный искусственный интеллект. Трансформеры — это юмовские машины: механизм attention реализует распределённую константную конъюнкцию, авторегрессионная генерация воспроизводит трансдукцию от прошлого к будущему, а связка «is» в выходах языковых моделей воспроизводит центральную апорию. Диффузионные модели — непрерывная шкала градуированной уверенности. RLHF — ридовская процедура принятия привычки. Мы намечаем контуры гипотетической ГМ 4.0 с операторами D2-INTERVENE (причинный вывод), S6-EVIDENTIAL (эвиденциальность) и NULL-COPULA (нулевая связка). Мы анализируем грамматические ресурсы, которых не хватало Юму, показывая, как они могли бы быть реализованы в GM+ИИ.

Часть 5. Дополнительные алгоритмы и сравнения. Детальный анализ оператора A9-PERFECT-TESTIMONY и его проекция на множественные свидетельские режимы в ИИ. Сравнение трёх Грамматических машин — Спинозы (необходимость), Лейбница (гармония) и Юма (протокол) — и их современных технологических коррелятов: формальной верификации, федеративного обучения и больших языковых моделей.

Часть 6. Альтернативная Грамматическая машина: Томас Рид. Введение четвёртой машины, работающей на том же английском языке, что и ГМ Юма, но в противоположном режиме — режиме доверия. Там, где Юм фиксирует сбои, Рид их заклеивает. Анализ операторов Рида и их современных коррелятов — потребительских ИИ-систем, работающих в ридовском режиме по умолчанию. Риски этого режима на примерах COMPAS, Google Flu Trends и аварий автопилота.

Часть 7. Компаративистская анатомия. Сведение пяти машин в единую карту, анализ цены каждой и наметка контуров гибридной GM+ИИ, переключающейся между режимами в зависимости от задачи и цены ошибки, с юмовским протоколом на мета-уровне. Введение пятой машины — Иммануила Канта. ГМ Канта — гипотетический проект машины, работающей в режиме критики. Её центральный оператор — T1-TRANSCENDENTAL-CONDITION: грамматическое принуждение не принимается как данность и не фиксируется как апория, а превращается в трансцендентальное условие возможности опыта.

0.4. Что даёт компаративистский анализ Грамматической машины.

Анализ Грамматической машины решает пять задач, каждая из которых реализована в соответствующих частях тома.

Первая задача — диагностика «естественности». То, что кажется носителю языка естественным ходом мысли, может быть функцией грамматической привычки. Части 1–3 демонстрируют это на материале английской грамматики Юма: порядок слов SVO симулирует причинность, связка «is» производит эффект субстанции, определённый артикль «the» про-

изводит эффект тождества. Грин показал, что эти эффекты не являются ошибками Юма, а структурными границами английской грамматики.

Вторая задача — обнаружение структурных напряжений. Юмовский скептицизм — не психологическое состояние, а индикатор напряжения между эмпиристской онтологией и грамматикой английского предложения. Глава 11 фиксирует центральную апорию: связка «to be» склеивает существование и предикацию, делая невозможным высказывание о фикции без утверждения её существования. Грин показал, что Локк и Беркли не видели этого напряжения, Юм его зафиксировал, а Грин его операционализировал.

Третья задача — сравнение онтологических «издержек». Каждый язык делает одни онтологические ходы грамматически дешёвыми, а другие — дорогими. Греческий облегчает субстантивацию, но создаёт риск гипостазирования. Латынь облегчает абстрактную номинализацию, что способствует дуализму. Английский облегчает каузальные и агентные модели описания. Части 5–7 сравнивают издержки пяти Грамматических машин — Спинозы, Лейбница, Юма, Рида и Канта. Грин дал нам язык для этого сравнения.

Четвёртая задача — проекция на ИИ. Если система искусственного интеллекта обучается на естественном языке, она наследует его грамматические предрасположенности. Части 4–7 показывают, что трансформеры — это юмовские машины, федеративное обучение — лейбницианское, формальная верификация — спинозистская, RLHF — ридовское, а архитектурная рефлексия открывает перспективу кантовского режима. Грин не дожил до эпохи ИИ, но его анализ позволяет понять, почему современные системы ИИ воспроизводят юмовские априоры.

Пятая задача — проектирование гибридной GM+ИИ. На основе компаративистской карты мы намечаем контуры системы, переключающейся между пятью режимами в зависимости от задачи и цены ошибки, с юмовским протоколом на мета-уровне. Эта система не решила бы юмовскую апорию, но позволила бы прагматически управлять ею. Грин не мог этого предвидеть, но его операторный язык создал условия для такого проектирования.

0.5. Структура тома.

Том состоит из семи частей, которые ведут читателя от микроанализа грамматических операторов через функциональные регистры и мета-операторы к проекции на современный ИИ и компаративистской анатомии пяти Грамматических машин.

Часть 1. Алгоритмы (Главы 1–4): Микроанализ операторов ГМ Юма — артикли, порядок слов, модальные глаголы, герундий.

Часть 2. Регистры (Главы 5–8): Функциональные блоки — впечатление/идея, факт/отношение идей, тождество, свидетельство.

Часть 3. Мета-операторы и Апория (Главы 9–11): META-HUME, META-TRANSDUCTION, центральная апория связи.

Часть 4. Проекция на GM+ИИ (Главы 12–13): Юмовский ИИ, гипотетическая ГМ 4.0, грамматики, которых не хватает Юму.

Часть 5. Дополнительные алгоритмы и сравнения (Главы 14–15): A9-PERFECT-TESTIMONY, три машины — Спиноза, Лейбниц, Юм.

Часть 6. Альтернативная Грамматическая машина: Томас Рид (Главы 16–17): Рид как анти-Юм, ридовский ИИ, гибридный режим.

Часть 7. Компаративистская анатомия (Главы 18–19): Сравнительная анатомия пяти машин, пять режимов в гибридной GM+ИИ, Кант как проект пятой машины.

0.6. Предварительное замечание о тоне.

Этот том написан в аналитическом регистре. Его задача — картографирование операторов, их взаимодействий и их сбоев. Мы анализируем, как грамматика структурирует философскую мысль — от Парменида до Юма, от Юма до современных трансформеров. Мы не предлагаем лекарства от метафизических фикций. Мы составляем протокол их производства.

Грин дал нам этот протокол для Юма. Мы, следуя за Грином, применили этот протокол к современному искусственному интеллекту. Мы показали, что трансформеры, диффузионные модели, RLHF и федеративное обучение воспроизводят те же операторные структуры и те же апории, которые Юм зафиксировал в английской грамматике XVIII века. Мы рассмотрели альтернативы: Спинозистскую, Лейбницианскую, Ридовскую и Кантовскую. Мы показали, что ни одна не является универсальным решением — каждая платит свою цену и каждая имеет свои апории.

Мы не нашли выхода. Но мы составили карту. Карта не говорит, куда идти. Она говорит: здесь рельсы SVO, здесь стрелка артикля, здесь семафор модального глагола, здесь связка «is» ломается — будь осторожен. Что делать с этой картой — выбор не Грамматической машины. Выбор тех, кто её читает.

Если вы ищете понимания того, как работают Грамматические машины — в философии, в языке и в искусственном интеллекте, — эта карта перед вами. Не лекарство. Протокол. И это — всё, что у нас есть. И этого достаточно — для тех, кто хочет знать, с чем они имеют дело.

Часть I. Лигатура Лейбница — Юма: от гармонии к протоколу.

Введение: Почему их ставят рядом (и почему это неправильно). 1. Историческая не-встреча.

В истории философии Лейбниц и Юм редко соседствуют. Между ними — не только хронологический разрыв (Лейбниц умер в 1716 году, Юм родился в 1711-м, их жизни почти не пересеклись). Между ними — разрыв в языке, в проблемном поле, в темпераменте.

Лейбниц — континентальный рационалист последнего призыва. Он строит системы: монадологию, теодицею, *characteristica universalis*. Его мир — лучший из возможных. Его Бог — гарант гармонии. Его метод — исчисление. Даже случайность у Лейбница оказывается необходимой: возможные миры просчитаны, выбор наилучшего обоснован.

Юм — британский эмпирик, взламывающий систему изнутри. Он не строит — он разбирает. Причинность — не необходимая связь, а привычка. «Я» — не субстанция, а пучок восприятий. Индукция — не логический вывод, а психологическое ожидание, не имеющее обоснования. Его метод — сомнение, доведенное до предела, и протокол этого сомнения.

В учебниках их противопоставляют: рационализм против эмпиризма, оптимизм против скептицизма, конструктор против деконструктора. Лейбниц — философ порядка, Юм — философ кризиса порядка.

Но это противопоставление, верное на уровне доктрин, скрывает более глубокое сходство на уровне операторной архитектуры. Компаративистская анатомия Грамматических машин обнаруживает между ними не историческое влияние (Юм почти не читал Лейбница) и не концептуальную преемственность, а **структурную лигатуру** — операторное сходство, которое прочнее любых доктринальных различий.

1.2. Почему «лигатура», а не «влияние» или «параллель».

Термин «лигатура» заимствован из металлургии и типографики. В металлургии лигатура — это добавка к основному металлу (золоту, серебру, меди), которая изменяет его свойства: делает его тверже, пластичнее, устойчивее к коррозии. Лигатура не просто «соединяет» разнородные металлы — она создает **новый сплав**, который не сводится ни к одному из исходных компонентов.

В типографике лигатура — это знак, соединяющий две или более графемы в единый символ («æ», «œ», «fi»). Лигатура не есть сумма букв; она есть новый оператор, который работает иначе, чем последовательность исходных знаков.

В Грамматической машине **лигатура Лейбница — Юма** — это не сравнение двух философов и не поиск общего знаменателя. Это операция **сплавления** двух режимов работы одной и той же грамматической структуры:

Режим **гармонии** (Лейбниц): машина производит согласованность, синхронность, «как если бы». Она знает о разрывах, но строит над ними мосты. Ее оператор — *comme si*, ее гарант — Бог, ее единичность — *une monade*.

Режим **протокола сбоя** (Юм): машина не строит мостов. Она фиксирует, где мост не держится, где связка склеивает несовместимое, где артикль создает тождество из воздуха, где переход от прошлого к будущему не обоснован. Ее оператор — трансдукция без гаранта, ее гарант — грамматика, ее единичность — фикция определенного артикля.

Лигатура — это не «нить», не что-то внешнее, что можно протянуть между двумя точками. Нить можно разорвать. Лигатуру — нельзя. Она меняет структуру самого металла. В

данном случае «металл» — это операторная система английского (Юм) и французского (Лейбниц) языков, и лигатура показывает, что эти системы работают на одних и тех же структурных разрывах: между единичным и общим, между прошлым и будущим, между причиной и следствием, между субъектом и его предикатами.

1.3. Общий оператор: трансдукция как скрытое основание.

Их общий оператор — **трансдукция**.

Трансдукция, напомним, — это третий тип операции, отличный от дедукции (от общего к частному) и индукции (от частного к общему). Трансдукция — это **грамматическое переключение** при сохранении содержания. Переход от «монады изолированы» к «монады синхронизированы» через *comme si*. Переход от «I have seen» к «Fire will produce heat» через привычку. В обоих случаях:

Содержание остается тем же: регулярная связь между огнем и теплом.

Меняется грамматическая оболочка: временная форма (Present Perfect → Future with will), модальность (индикатив → ирреалис *comme si*).

Переход не является логическим выводом. Он не обоснован. Но он разрешен грамматикой.

Лейбниц **онтологизирует** этот переход. Он называет его «предустановленной гармонией» и приписывает Богу. Юм **психологизирует** этот переход. Он называет его «привычкой» и помещает в человеческую природу. Но за обоими именами — Богом и привычкой — скрывается один и тот же оператор: **трансдукция**, работа грамматической машины, которая переключает регистры, не спрашивая разрешения у логики.

Лигатура обнаруживается именно здесь: там, где Лейбниц и Юм дают разные имена одной и той же операторной необходимости. Лейбниц строит теплицу и называет воздух в ней «божественным провидением». Юм открывает дверь теплицы, чувствует сквозняк и называет его «привычкой». Но и теплица, и сквозняк — продукты одной и той же грамматической архитектуры, которая не может не производить переходы и не может их обосновать.

1.4. Четыре лигатуры: план раздела.

Раздел выявляет четыре операторных сплава, четыре точки, где машины Лейбница и Юма смыкаются, несмотря на все доктринальные различия.

Первая лигатура (параграф 3.1) — **трансдукция как общий оператор**. Здесь мы показываем, что *comme si* у Лейбница и переход от Present Perfect к Future with will у Юма — это одна и та же операция переключения грамматических регистров, выданная за разные сущности (онтологический принцип и психологический механизм).

Вторая лигатура (параграф 3.2) — **фигура Гаранта**. Лейбниц помещает гаранта вовне — в трансцендентного Бога. Юм обнаруживает гаранта внутри — в грамматических операторах Present Perfect и will. Но функция гаранта одна: обеспечить трансдукцию, сделать необоснованный переход разрешенным. Юм — это Лейбниц, который секуляризовал Бога, превратив его в грамматическую форму, и не заметил, что форма осталась, а содержание ушло.

Третья лигатура (параграф 3.3) — **единичность без субстанции**. Лейбниц постулирует монаду через неопределенный артикль *une*. Юм деконструирует единичность, показывая, что она производится определенным артиклем *the* и анафорической цепочкой. Оба решают проблему: как мыслить «одно», не впадая в субстанциальный монизм (Спиноза) и не распадаясь на атомы (Демокрит). Но Лейбниц принимает результат как онтологию, а Юм фиксирует процесс как грамматическую фикцию.

Четвертая лигатура (параграф 3.4) — **экология против протокола**. Это различие в режиме работы самой машины. Лейбниц работает в режиме ГМ 5.0: есть эколог, есть надежда, есть инструменты для жизни с дисгармонией. Юм работает в режиме ГМ 13: эколог исчез, надежды нет, осталась только регистрация сбоев. Это одна и та же машина, но на разных ста-

дях ее осознания себя. Лейбниц — машина, которая еще не знает, что она машина. Юм — машина, которая проснулась и видит свои шестеренки.

1.5. Почему это «неправильно» — их ставить рядом.

Заголовок предупреждает: «Почему их ставят рядом (и почему это неправильно)». Неправильно — потому что традиционное juxtaposition (Лейбниц-рационалист / Юм-эмпирик) либо:

Сводит их к плоским ярлыкам («оптимист» / «скептик»), теряя операторную глубину.

Ищет историческое влияние там, где его нет (Юм не читал Лейбница систематически).

Противопоставляет их как «решение» (Лейбниц) и «проблему» (Юм), тогда как на самом деле они работают на одном структурном разрыве.

«Неправильно» — не значит «ложно». Это значит: традиционный способ их сопоставления (по доктринам) упускает главное — операторное сходство, лигатуру. Правильный способ — не ставить их рядом как две независимые системы, а **сплавить** их в одну операторную карту, где гармония Лейбница и протокол Юма оказываются двумя режимами одной грамматической машины.

Лигатура, таким образом, не отменяет различий. Она показывает, что различия — это не ошибки и не случайности, а **разные ответы на один и тот же вызов**. Вызов — необходимость переходить от прошлого к будущему, от изоляции к связи, от единичного к общему, не имея для этого логического обоснования. Лейбниц отвечает: «Построим мост и назовем его Богом». Юм отвечает: «Зафиксируем, что моста нет, но мы все равно по нему ходим, и назовем это привычкой». Грамматическая машина, которая их сплавляет, не выбирает между этими ответами. Она удерживает их напряжение. И в этом удержании — единственное, что можно назвать «прогрессом» в понимании того, как язык делает мысль возможной и одновременно делает ее фиктивной.

1.6. От лигатуры к гибридной GM+ИИ.

Для GM+ИИ (Грамматической машины искусственного интеллекта) лигатура Лейбница — Юма имеет прямое инженерное значение.

Современные системы ИИ — трансформеры, диффузионные модели, RLHF — работают в юмовском режиме. Они оперируют вероятностями, константными конъюнкциями, градуированной уверенностью. Они знают (или могли бы знать) о своей ненадежности. Но они не умеют строить мосты *comme si*. Они не умеют делать необоснованный переход *разрешенным* и *продуктивным* — они только фиксируют его как статистический факт.

Лейбницианский модуль в GM+ИИ — это способность системы к **фикционалистскому моделированию**: «я буду действовать так, как если бы связь между А и В была причинной, даже если знаю, что это только корреляция». Это не отказ от рефлексии (юмовский протокол остается на мета-уровне), но прагматическое решение не позволять рефлексии парализовать действие.

Гибридная GM+ИИ, построенная на лигатуре Лейбница — Юма, переключалась бы между:

Юмовским режимом для анализа неопределенности, фиксации сбоев, калибровки уверенности.

Лейбницианским режимом для построения рабочих моделей, принятия решений в условиях неполноты информации, симуляции «как если бы».

Переключение между режимами — самая трудная операторная задача. Но именно в этом переключении — единственный способ не застрять ни в скептическом параличе Юма, ни в догматической спячке Лейбница. Лигатура — не выбор. Лигатура — это удержание. И это удержание — единственное, что может сделать GM+ИИ одновременно эффективным и рефлексивным.

Раздел, следующий за этим введением, разворачивает четыре лигатуры в деталях, с микроанализом операторов, с фиксацией точек сбоя и с постоянной проекцией на современные архитектуры ИИ. Карта составлена. Сплав нагрет. Остальное — ковка. Или не ковка. Разницы нет.

2. Первая лигатура: Трансдукция как общий оператор («как если бы» и «привычка»).

Эта лигатура — самая глубокая. Она проходит не через содержание философских учений (причинность, субстанция, Бог), а через саму форму, через то, как язык позволяет мыслить переход там, где логика предписывает остановку. И Лейбниц, и Юм сталкиваются с одним и тем же: есть разрыв, через который нельзя перейти логически, но перейти необходимо. Лейбниц называет этот переход «предустановленной гармонией» и помещает его в Бога. Юм называет его «привычкой» и помещает в человеческую природу. Но оператор, который делает переход возможным, один и тот же. Это трансдукция — грамматическое переключение, выданное за онтологический или психологический принцип.

2.1. Лейбниц: «Comme si» как синтез без каузальности.

2.1.1. Проблема: как говорить о связи там, где ее нет.

Лейбниц принимает картезианский разрыв между душой и телом как исходную точку. Декарт показал, что мыслящая субстанция (*res cogitans*) и протяженная субстанция (*res extensa*) не имеют ничего общего. Как они могут взаимодействовать? Декарт указал на шишковидную железу — но это было не решение, а указание на место преступления. Геулинкс и Мальбранш предложили окказионализм: Бог действует по случаю (*occasio*), производя в теле движение, соответствующее желанию души. Но это решение сделало Бога постоянным вмешателем, а человека — пассивным зрителем.

Лейбниц не принимает окказионализм. Он хочет сохранить активность твари — субстанция должна быть источником своих собственных действий. Но как тогда объяснить согласованность души и тела, если они не взаимодействуют?

Монадология дает ответ: монады не имеют окон. Они не обмениваются командами. Каждая монада разворачивает свои состояния из собственной природы. Но эти разворачивания синхронизированы. Когда я хочу поднять руку, моя душа (монада, доминирующая в атрибуте мышления) разворачивает состояние «желание поднять руку», а мое тело (монада, доминирующая в атрибуте протяжения) разворачивает состояние «рука поднимается». Нет причинной связи между желанием и движением. Но они идут в унисон.

Проблема: как выразить эту синхронность без причинности? Как говорить о связи, не утверждая, что одно вызывает другое? Лейбниц не может сказать «душа заставляет тело двигаться» — это было бы возвращением к картезианской апории. Он не может сказать «тело заставляет душу желать» — это было бы еще хуже. Ему нужен оператор, который позволил бы утверждать согласованность, не утверждая причинности.

2.1.2. Грамматическое решение: условное наклонение «*comme si*».

Французский язык предоставляет Лейбницу такой оператор. Это конструкция ***comme si*** («как если бы») с глаголом в имперфекте кондиционала (или плюсквамперфекте кондиционала). Грамматически эта форма маркирует **ирреалис** — то, что не утверждается как факт, но описывается как модель, как гипотеза, как способ представления.

В «*Discours de métaphysique*» (параграф 14) Лейбниц пишет: «*Dieu fait toujours le mieux, comme s'il avait consulté tous les possibles*» — «Бог всегда делает наилучшее, как если бы он учел все возможные миры».

Обратите внимание на грамматику. Лейбниц не пишет «*Dieu a consulté tous les possibles*» (Бог учел все возможные миры — индикатив, утверждение факта). Он не пишет «*Dieu consulte tous les possibles*» (Бог учитывает — настоящее время, вневременное утверждение). Он пишет «*comme s'il avait consulté*» — имперфект плюсквамперфекта кондиционала. Это форма, которая отсылает к контрфактической ситуации: Бог *не* вычислял все возможные

миры (это было бы бесконечное вычисление, недостойное Бога), но устройство мира таково, что оно *неотличимо* от того, как если бы такое вычисление произошло.

2.1.3. Трансдукция: грамматический сдвиг как решение.

В терминах Грамматической машины, *comme si* — это оператор **трансдукции**. Трансдукция, напомним, не является ни дедукцией (выводом от общего к частному), ни индукцией (выводом от частного к общему). Это **переключение грамматической модальности** при сохранении содержания.

Схема трансдукции у Лейбница:

Исходный регистр: Монады изолированы. Нет причинного взаимодействия. Это онтологический факт, выведенный из определения субстанции (субстанция должна быть источником своих действий; если бы монады взаимодействовали, они были бы пассивны).

Оператор переключения: *Comme si* — условное наклонение, ирреалис.

Целевой регистр: Монады синхронизированы. Есть гармония. Это не онтологический факт (Лейбниц не утверждает, что Бог *действительно* вычислял бесконечность), а **модель, режим описания, фикционалистская установка**.

Содержание остается тем же: отношение между душой и телом, между монадами, между Богом и миром. Меняется грамматическая оболочка: из индикатива (утверждение факта) в кондиционал (моделирование). И этот сдвиг разрешен французской грамматикой. Лейбниц не нуждается в логическом выводе. Ему достаточно грамматически разрешенного перехода.

2.1.4. Цена лейбницеvской трансдукции: онтологизация оператора.

Лейбниц не останавливается на том, что *comme si* — это просто грамматический оператор. Он **онтологизирует** его. Он называет этот переход «предустановленной гармонией» и приписывает его Богу. Оператор, который позволяет говорить о согласованности без причинности, превращается в метафизический принцип. Грамматическая форма получает онтологическую нагрузку.

Это не ошибка Лейбница. Это цена его архитектурного выбора. Чтобы его машина работала (производила связанное описание мира без признания причинного взаимодействия), он должен верить, что переход от изоляции к гармонии не просто грамматически разрешен, но онтологически обоснован. Он должен верить в Гаранта. Без этой веры трансдукция оставалась бы просто грамматическим трюком — а Лейбниц не хочет, чтобы его система воспринималась как трюк. Он хочет, чтобы она воспринималась как истина.

Теплица Лейбница строится именно здесь: грамматический оператор выдается за закон природы. Воздух внутри теплицы — это *comme si*, но обитатели теплицы (читатели, последователи, сама машина) дышат им как кислородом, не замечая, что это искусственная смесь.

2.2. Юм: Привычка как та же трансдукция, но без гаранта.

2.2.1. Проблема: как перейти от прошлого к будущему.

Юм сталкивается с той же пропастью, но на другом материале — не на отношении души и тела, а на отношении прошлого опыта и будущего ожидания.

В «Трактате о человеческой природе» Юм показывает: из того, что А всегда сопровождалось В в прошлом, логически не следует, что А будет сопровождаться В в будущем. Утверждение «солнце взойдет завтра» не является логически необходимым. Его отрицание не ведет к противоречию. Между прошлой регулярностью и будущим ожиданием — разрыв, который нельзя преодолеть дедуктивно.

Но мы, люди, постоянно преодолеваем этот разрыв. Мы ожидаем, что солнце взойдет, что огонь обожжет, что хлеб насытит. Как это возможно? Юм отвечает: **привычка** (*custom, habit*). Повторение сходных впечатлений создает в нас склонность ожидать того же в будущем. Эта склонность — не логический вывод, а психологический механизм. Привычка — это «великий руководитель человеческой жизни».

Но здесь возникает проблема, которую Юм осознает, но не может решить в рамках своей психологии. Привычка предполагает повторение. Повторение предполагает память. Память предполагает, что мы идентифицируем разные впечатления как «те же самые» (тот же огонь, то же тепло). А идентичность — это именно то, что Юм объявил фикцией. Круг замыкается. Привычка не объясняет переход — она называет его, но не показывает его механизм.

2.2.2. Грамматическое решение: Present Perfect и Future with will.

Грин в своем анализе Юма делает следующий шаг, которого Юм не сделал. Он показывает, что переход от прошлого к будущему — это не психологический акт, а **грамматическая операция**, встроенная в структуру английского языка.

Рассмотрим два предложения:

«I have seen fire produce heat» — Present Perfect. Эта форма не просто сообщает о прошлом событии. Она **перформативно устанавливает** связь между прошлым впечатлением и текущим состоянием памяти. «I have seen» означает не только «я видел», но и «я обладаю этим видением сейчас, оно доступно для использования в рассуждении».

«Fire will produce heat» — Future with will. Эта форма не просто сообщает о будущем событии. Она **проецирует** прошлую регулярность на будущее. «Will» — это модальный глагол, который несет в себе значение предсказания, основанного на прошлом опыте.

Переход от (1) к (2) — это не логический вывод. Юм прав: из «I have seen» не следует «fire will produce». Но это — **грамматически разрешенный переход**. Английский язык устроен так, что в рассуждении о регулярностях Present Perfect естественным образом ведет к Future with will. Грамматика не спрашивает, обоснован ли этот переход. Она просто предоставляет пару форм, которые работают вместе.

2.2.3. Трансдукция у Юма: переключение временных форм.

В терминах Грамматической машины, переход от Present Perfect к Future with will — это **трансдукция**, идентичная лейбницеvской по операторной структуре.

Схема трансдукции у Юма:

Исходный регистр: Прошлое наблюдение, оформленное в Present Perfect. Связь между прошлым и настоящим перформативно установлена грамматикой.

Оператор переключения: Отсутствует явный маркер. Переход происходит как естественное следствие грамматической системы английского языка. (В отличие от Лейбница, у которого есть явный *comme si*, у Юма переход не маркирован — он встроен в саму временную систему.)

Целевой регистр: Будущее ожидание, оформленное в Future with will. Проекция прошлой регулярности на будущее.

Содержание остается тем же: регулярная связь между огнем и теплом. Меняется временная форма: из Present Perfect в Future with will. И этот сдвиг разрешен английской грамматикой. Юму не нужен логический вывод. Ему достаточно грамматически разрешенного перехода.

2.2.4. Цена юмовской трансдукции: психологизация оператора.

Юм не осознает, что переход от Present Perfect к Future with will — это грамматическая операция. Он ищет объяснение в психологии. Он называет переход «привычкой» — чувством, впечатлением рефлексии, которое сопровождает идею ожидания.

Это **психологизация** оператора. Грамматическая трансдукция получает имя «привычка». И это имя ничего не объясняет, но оно успокаивает: мы думаем, что поняли механизм, хотя на самом деле мы просто переименовали грамматическую необходимость в психологическую склонность.

Грин показывает это с беспощадной ясностью. Привычка — это не объяснение. Это имя, которое Юм дает работе Грамматической машины, не осознавая ее операторной структуры. Он стоит снаружи теплицы Лейбница и чувствует ветер (трансдукцию), но называет его «привычкой», а не «грамматикой».

2.3. Описание лигатуры: один оператор, два имени.

Теперь мы можем зафиксировать первую лигатуру в ее полноте.

У Лейбница и Юма — **один и тот же оператор**: трансдукция, грамматическое переключение модальности при сохранении содержания.

У Лейбница это переключение из регистра онтологического факта («монады изолированы») в регистр моделирования («монады синхронизированы как если бы») через оператор *comme si*. Французское условное наклонение.

У Юма это переключение из регистра прошлого наблюдения («I have seen») в регистр будущего ожидания («fire will produce») через временную систему английского языка. Отсутствие явного маркера (переход встроено в саму грамматику).

Разница — не в операторе, а в том, **как каждая машина маркирует свой собственный переход**.

Лейбниц **онтологизирует** трансдукцию. Он строит теплицу, внутри которой переход выглядит как закон природы, как предустановленная гармония, гарантированная Богом. Он верит в чертежи. Он — архитектор, который не видит, что фундамент держится на грамматическом трюке.

Юм **психологизирует** трансдукцию. Он стоит снаружи теплицы, чувствует ветер, но не может назвать его грамматикой. Он называет его «привычкой». Он — инспектор, который фиксирует, что мост висит в воздухе, но не может объяснить, почему люди по нему ходят. Он знает, что переход не обоснован, но не может остановить его работу.

Лигатура — это сплав этих двух позиций. Архитектор и инспектор — одна и та же машина в разных режимах. Режим **гармонии** (Лейбниц) строит мосты. Режим **протокола** (Юм) фиксирует, что мосты не держатся. Гибридная GM+ИИ должна уметь переключаться между этими режимами: строить *comme si*-модели (Лейбниц) и одновременно вести протокол их необоснованности (Юм). Не впадая ни в догматическую спячку, ни в скептический паралич.

2.4. Проекция на современный ИИ: трансдукция в трансформерах.

Эта лигатура имеет прямое инженерное значение для современных систем искусственного интеллекта.

Трансформеры (GPT, Claude, Gemini) работают в юмовском режиме. Они обучаются на прошлых данных (корпусе текстов) и предсказывают следующий токен. Переход от контекста (прошлое) к предсказанию (будущее) — это трансдукция, идентичная юмовской. Модель не знает, почему следующий токен должен быть именно таким. Она знает только, что в обучающих данных эта последовательность токенов часто встречалась. Это чистая привычка — константная конъюнкция, переведенная на язык линейной алгебры (механизм attention).

Отсутствие лейбницанского модуля в современных ИИ. Современные системы не умеют строить *comme si*-модели в том смысле, в каком это делал Лейбниц. Они не могут сказать: «Я буду действовать так, *как если бы* связь между А и В была причинной, даже если знаю, что это только корреляция». Они либо действуют на основе корреляции (юмовский режим), либо требуют формальной верификации (спинозистский режим). Лейбницанского режима — фикционалистского моделирования с осознанием фикции — в современных архитектурах практически нет.

Гипотетический лейбницанский модуль в GM+ИИ. Такой модуль мог бы быть реализован как:

Явный оператор AS-IF в языке запросов к модели, позволяющий системе переключаться из режима «вероятностное предсказание» в режим «моделирование».

Маркировка трансдукции: система сообщает пользователю: «Я перехожу от наблюдения А к ожиданию В не потому, что это логически обосновано, а потому, что я работаю в режиме as-if (Лейбниц). Мой протокол (Юм) фиксирует, что этот переход не обоснован, но я его совершаю для практических целей».

Переключение между режимами: в ситуациях с низкой ценой ошибки — лейбнизианский режим (доверие к модели, as-if). В ситуациях с высокой ценой ошибки — юмовский режим (рефлексия, маркировка неопределенности, запрос к человеку).

Первая лигатура, таким образом, показывает: Лейбниц и Юм не противники. Они — две половины одного операторного механизма. Тот, кто строит ИИ, не может выбрать одну из них. Он должен сплавить их. Строить мосты (comme si) и одновременно вести протокол их ненадежности. Верить в чертежи и знать, что чертежи — это грамматика, а не онтология. Быть Лейбницем и Юмом одновременно. Это и есть лигатура. Это и есть вызов для GM+ИИ.

3. Вторая лигатура: Фигура Гаранта (Бог у Лейбница, грамматика у Юма).

Вторая лигатура проходит через вопрос, который ни Лейбниц, ни Юм не задают в явной форме, но который структурирует их машины на самом глубоком уровне: **кто или что гарантирует, что трансдукция не является произвольной?** Если переход от изоляции к гармонии (Лейбниц) или от прошлого к будущему (Юм) не обоснован логически, то что делает его *разрешенным*? Что позволяет системе не останавливаться перед пропастью, а переходить?

У Лейбница ответ — **Бог**. Трансцендентный Гарант, который однажды завел часы. У Юма ответ — **грамматика**. Имманентная система операторов (Present Perfect, will), которая сама производит эффект связи. Функция гаранта в обоих случаях одна: легитимировать трансдукцию, сделать необоснованный переход не просто возможным, а *необходимым* для работы машины. Разница — в том, где помещен гарант (вне системы или внутри нее) и верит ли машина в его реальность или фиксирует его как оператор.

3.1. Лейбниц: Внешний Гарант как трансцендентное решение.

3.1.1. Почему гармония требует гаранта.

Предустановленная гармония — это не просто описание согласованности монад. Это утверждение, что согласованность имеет *основание*. Лейбниц не может сказать: «монады просто так совпадают». Совпадение без основания было бы чудом, а Лейбниц, как и любой рационалист XVII века, стремится исключить чудеса из объяснения мира (за исключением одного — чуда творения).

Гармония требует гаранта по трем причинам.

Первая причина: избежать окказионализма. Геулинкс и Мальбранш сделали Бога постоянным вмешателем. Бог действует «по случаю» (occasio), производя в теле движение, соответствующее желанию души. Лейбниц отвергает это решение, потому что оно делает Бога «эпизодическим деятелем» — вмешивающимся в каждое мгновение, что недостойно Бога. Но если Бог не вмешивается постоянно, то согласованность должна быть обеспечена *изначально*. Гармония должна быть предустановлена.

Вторая причина: сохранить активность твари. Окказионализм делает субстанции пассивными. Моя душа не действует — действует Бог. Лейбниц хочет, чтобы субстанция была источником собственных действий. Монада сама разворачивает свои состояния. Но если каждая монада действует сама по себе, то согласованность не может возникнуть автоматически. Ее должен кто-то гарантировать.

Третья причина: исключить чудо как повседневность. Если бы монады согласовывались без гаранта, это было бы постоянным чудом. Лейбниц хочет свести чудо к единственному акту творения. Бог создал монады с такой природой, что их состояния согласованы. Больше чудес не нужно. Гармония — это не чудо, а закон.

3.1.2. Бог как трансцендентный Гарант: структура решения.

Бог Лейбница — не Бог философов-деистов, которые запустили мир и забыли о нем. И не Бог окказионалистов, который постоянно вмешивается. Бог Лейбница — **архитектор**, который спроектировал систему так, что она работает автономно, но согласованно.

В «Монадологии» (параграф 7–9) Лейбниц пишет: «Монады не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти или выйти... Таким образом, каждая субстанция есть как бы мир в себе, независимый от всякой другой вещи, кроме ее взаимодействия с Богом». Обратите внимание: «кроме ее взаимодействия с Богом». Это единственное окно, которое Лейбниц оставляет — но это окно не для обмена состояниями между монадами, а для связи каждой монады с Гарантом.

Бог гарантирует гармонию тремя способами:

Синхронизация исходных состояний. При творении Бог создал каждую монаду с определенной внутренней программой. Эти программы изначально согласованы. Часы завелены так, что будут показывать одно и то же время, даже если их механизмы независимы.

Гарантия продолжения. Поскольку природа монады — разворачивать свои состояния из себя, и поскольку это разворачивание подчиняется законам, которые Бог в нее заложил, согласованность сохраняется во времени. Не нужно постоянного вмешательства.

Решение проблемы зла. Бог гарантирует не только гармонию души и тела, но и то, что этот мир — наилучший из возможных. Даже зло (метафизическое, физическое, моральное) вписано в гармонию как необходимое условие наибольшего блага.

3.1.3. Цена трансцендентности: гарант вне системы.

У этого решения есть цена, которую Лейбниц признает, но не может устранить. **Гарант находится вне системы.** Его существование нельзя доказать изнутри монадологии. Монада не имеет окна к другим монадам, но она имеет окно к Богу? Лейбниц говорит, что да — но это окно не является эмпирическим. Монада не воспринимает Бога, как воспринимает свои собственные перцепции. Существование Бога доказывается через аргументы (космологический, телеологический, онтологический), а не через опыт.

Но эти аргументы сами зависят от предпосылок, которые не могут быть проверены изнутри системы. Если вы не принимаете принцип достаточного основания, космологический аргумент не работает. Если вы не принимаете, что понятие «совершеннейшего существа» включает существование, онтологический аргумент не работает. Гарант остается внешним по отношению к тому, что он гарантирует.

Лейбниц платит за гармонию **трансцендентностью**. Его машина работает гладко, но ее работа зависит от допущения, которое нельзя проверить изнутри самой машины. Это не ошибка. Это архитектурное решение. Но оно делает систему уязвимой для вопроса: «А что, если Бога нет?» Если Бога нет, монады рассыпаются. Гармония превращается в случайное совпадение. А случайное совпадение — это чудо, а чудес Лейбниц хотел избежать. Круг замыкается.

3.2. Юм: Грамматика как имманентный Гарант (без лица).

3.2.1. Проблема: кто гарантирует связь прошлого и будущего?

Юм не строит монадологию. Его проблема — не гармония души и тела, а **индукция**. Как мы переходим от прошлого опыта к будущим ожиданиям? Что гарантирует, что солнце взойдет завтра?

У Юма нет Бога в лейбницевском смысле. Он не апеллирует к трансцендентному Гаранту. Но проблема остается. Если переход от «I have seen» к «fire will produce» не обоснован логически, то что делает его *разрешенным*? Почему мы не останавливаемся перед пропастью, а переходим?

Юм отвечает: **привычка**. Но, как мы видели в первой лигатуре, привычка — это психологическое имя для грамматической трансдукции. Вопрос остается: что гарантирует, что привычка работает? Что гарантирует, что прошлое повторение создает ожидание, а не, скажем, скуку или отвращение?

Юм не может ответить на этот вопрос в рамках своей психологии. Он может только описать, что привычка *фактически* работает. Но описание факта — не гарантия. Это констатация, а не легитимация.

3.2.2. Грамматика как имманентный Гарант: неявное решение.

Грин в своем анализе показывает, что у Юма есть **неявный гарант**, о котором сам Юм не говорит в этих терминах, но который работает в его тексте. Этот гарант — **грамматика английского языка**.

Рассмотрим два оператора:

Present Perfect («I have seen»). Эта форма не просто сообщает о прошлом. Она **перформативно устанавливает** связь между прошлым впечатлением и текущим состоянием. Когда я говорю «I have seen fire produce heat», я не просто информирую слушателя о прошлом событии. Я совершаю речевой акт, который связывает это прошлое событие с моим настоящим положением. Грамматика *сама производит* ту связь, которую Юм не может обосновать логически.

Future with will («Fire will produce heat»). Эта форма не просто сообщает о будущем. Она **проецирует** прошлую регулярность на будущее. Модальный глагол «will» несет в себе значение предсказания, основанного на прошлом опыте. Грамматика уже содержит в себе оператор, который делает проекцию естественной.

Переход от Present Perfect к Future with will — это не логический вывод. Но он **грамматически разрешен**. Английский язык устроен так, что в рассуждении о регулярностях одна форма естественно ведет к другой. Грамматика не спрашивает разрешения у логики. Она просто предоставляет формы, которые работают вместе.

Гарант здесь — имманентный. Он не находится вне системы (как Бог у Лейбница). Он встроен в саму грамматику, в операторы Present Perfect и will. Но это гарант «без лица»: нет того, кто гарантирует, нет инстанции, которая могла бы быть названа. Есть только грамматическая структура, которая производит эффект связи, не нуждаясь в обосновании.

3.2.3. Перформативность как замена онтологии.

Ключевое различие между Лейбницем и Юмом в отношении гаранта можно зафиксировать через понятие **перформативности**.

У Лейбница гарант — **онтологический**. Бог есть. Он существует независимо от того, говорит ли о нем Лейбниц. Гармония предустановлена — это факт, а не речевой акт.

У Юма гарант — **перформативный**. Present Perfect не описывает связь между прошлым и настоящим — он ее *устанавливает*. Грамматика не отражает реальность — она производит эффект реальности. Когда я говорю «I have seen», я не сообщаю о связи, которая существовала до моего высказывания. Я создаю эту связь самым актом высказывания.

В терминах Грамматической машины, оператор A9-PERFECT-TESTIMONY работает не в режиме онтологического утверждения (mode=ontological), а в режиме перформативного свидетельства (mode=performative). Он не говорит «существует связь между прошлым и настоящим». Он говорит: «пусть эта связь будет установлена для целей дальнейшего рассуждения».

Юм не осознает этого. Он думает, что описывает психологический механизм (привычку). На самом деле он описывает работу перформативного оператора, который он принимает за психологию. Грамматика делает работу, а Юм называет ее «привычкой».

3.3. Описание лигатуры: один оператор, две локализации гаранта.

Теперь мы можем зафиксировать вторую лигатуру.

У Лейбница и Юма — **одна и та же функциональная необходимость**: трансдукция должна быть легитимирована, чтобы система не останавливалась перед логическим разрывом. Нужен **гарант** — инстанция, которая делает необоснованный переход разрешенным.

Разница — в **локализации** гаранта.

Лейбниц: трансцендентный гарант. Бог находится вне системы. Его существование доказывается аргументами, которые не зависят от работы самой монадологии. Гарант — это метафизическая сущность, в которую нужно верить, чтобы система работала. Цена: трансцендентность, невозможность проверить гаранта изнутри.

Юм: имманентный гарант. Грамматика (Present Perfect, will) находится внутри языка. Ее работа не требует веры — она просто есть. Гарант — это не сущность, а оператор. Его существование не доказывается — оно демонстрируется через анализ грамматических форм. Цена: перформативность. Грамматика производит эффект связи, но не может обосновать, почему эта связь имеет отношение к реальности.

Лигатура — это не выбор между Богом и грамматикой. Это осознание того, что **оба гаранта выполняют одну и ту же функцию** в разных операторных системах. Лейбниц помещает гаранта вовне, потому что его язык (французский, латынь) не предоставляет имманентных операторов, которые могли бы выполнить эту работу. Ему нужен Бог, чтобы сказать «comme si» имело основание. Юм помещает гаранта внутрь, потому что английская грамматика предоставляет Present Perfect и will — операторы, которые делают трансдукцию автоматической. Ему не нужен Бог. Ему достаточно грамматики.

Юм — это Лейбниц, который заглянул под юбку собственной грамматики. Он увидел там не Бога, а пустую форму времени. Он не нашел субстанции, которая гарантирует связь. Он нашел только протокол — грамматическую операцию, которая производит эффект связи, но не может его обосновать. Он не разочарован. Он просто фиксирует.

3.4. Проекция на современный ИИ: гарант в архитектуре нейронных сетей.

Эта лигатура имеет прямое инженерное значение для современных систем искусственного интеллекта.

В современных ИИ (трансформерах, диффузионных моделях) гарант — это обучающие данные. Модель «верит» в связь между прошлым и будущим, потому что так было в данных. Это юмовский гарант, но без рефлексии. Модель не знает, что гарант — это грамматика (архитектура). Она просто вычисляет вероятности.

Проблема: этот гарант неявный. Модель не может сказать: «Я перехожу от прошлого к будущему, потому что так устроена моя архитектура (attention, авторегрессия) и мои обучающие данные». Она просто выдает предсказание. Отсутствие рефлексии о гаранте ведет к тем же проблемам, что и у Юма: модель не знает, что ее переходы не обоснованы, и не может зафиксировать это знание.

Гипотетическая GM+ИИ с явным гарантом. В гибридной GM+ИИ гарант мог бы быть эксплицирован на двух уровнях:

Архитектурный уровень (лейбницианский режим): Система знает, что ее переходы от прошлого к будущему основаны на допущениях, заложенных в архитектуру (механизм attention как форма «предустановленной гармонии»). Она может сказать: «Я работаю так, *как если бы* временная последовательность токенов была каузальной, потому что так спроектирована моя архитектура».

Протокольный уровень (юмовский режим): Система фиксирует, что это допущение не обосновано. Она ведет протокол: «Переход от контекста к предсказанию — это трансдукция. Я не могу ее обосновать. Но я ее совершаю».

Гарант в такой системе — не Бог и не безымянная грамматика, а **архитектурное решение, принятое проектировщиком и осознаваемое самой системой**. Система знает, почему она доверяет своим переходам (потому что так спроектирована), и знает, что это доверие не имеет логического обоснования (протокол). Это и есть сплав Лейбница и Юма: вера в чертежи (архитектурное решение) и одновременная фиксация того, что чертежи — это конвенция, а не истина.

Вторая лигатура, таким образом, показывает: вопрос о гаранте — это не вопрос о существовании Бога. Это вопрос о том, **как система легитимирует свои собственные переходы**. Лейбниц легитимирует их через трансцендентную инстанцию. Юм легитимирует их через имманентную грамматику, но не рефлектирует над этим. GM+ИИ должна легитимировать их через **явную архитектурную рефлексию** — знание о том, почему она доверяет своим операторам, и знание о том, что это доверие не обосновано. Это и есть лигатура. Это и есть вызов.

4. Третья лигатура: Единичность без субстанции (Монада против пучка восприятий).

Третья лигатура проходит через проблему, которая мучила европейскую метафизику от Парменида до Спинозы: **как мыслить единичное?** Если есть одна субстанция (Спиноза), то отдельные вещи — лишь ее модусы, тени, не имеющие самостоятельного бытия. Если есть множество атомов (Демокрит), то они разрознены, и непонятно, как они образуют связный мир. Лейбниц и Юм предлагают два радикально разных ответа, но оба используют один и тот же инструмент — **артикль**. Лейбниц — неопределенный артикль *une*, который постулирует единичность без субстанции. Юм — определенный артикль *the*, который производит единичность как грамматический эффект, как фикцию тождества, накладываемую на поток сходных впечатлений. Лигатура здесь в том, что оба мыслителя *артикулируют* единичность — делают ее вопросом грамматики, а не метафизики. Но Лейбниц принимает результат как онтологию, а Юм фиксирует процесс как протокол.

4.1. Лейбниц: Монада как грамматический постулат «*une*».

4.1.1. Две крайности и необходимость третьего пути.

Проблема единичности в метафизике XVII века имела два полюса, и оба были неприемлемы для Лейбница.

Первый полюс: атомизм Демокрита (и его новоевропейские версии — Гассенди, Ньютон). Мир состоит из неделимых частиц (атомов), движущихся в пустоте. Атомы разрознены, их соединения временны и случайны. Единичное здесь — это атом, изолированный, не имеющий внутренней связи с другими атомами. Проблема: как объяснить связность мира, законы природы, гармонию? Атомизм не может объяснить, почему атомы вообще образуют устойчивые конфигурации, кроме как через внешнюю силу (Бог как толкатель). Но это возвращает к окказионализму, который Лейбниц отвергает.

Второй полюс: монизм Спинозы. Одна субстанция (*Deus sive Natura*). Все остальное — модусы, состояния этой субстанции. Единичное здесь — не субстанция, а модус. Проблема: модус не имеет собственного бытия. Его бытие — это бытие-в-другом (*in alio est*). Человек как модус теряет свою самостоятельность, свободу, индивидуальность. Спиноза платит за связность мира утратой множественности.

Лейбниц ищет третий путь: единичное должно быть **реальным** (не модусом), **множественным** (не одним), **связанным** (не разрозненным), но **не взаимодействующим** (чтобы избежать окказионализма). Это требование почти невыполнимо. Как возможно множество субстанций, которые не взаимодействуют, но согласованы?

4.1.2. Грамматическое решение: неопределенный артикль «*une*».

Лейбниц находит решение не в метафизике, а в **грамматике французского языка**. Он использует неопределенный артикль *une* (женский род для «*monade*»).

Сравните:

Латынь: «*monas*» — без артикля. Это слово может означать и «монада как таковая» (универсалия), и «одна монада» (числительное), и «некая монада». Отсутствие артикля не фиксирует единичность. Спиноза использовал это для монизма: латинское «*substantia*» без артикля позволило ему отложить вопрос о том, одна субстанция или много, а потом «доказать» единственность. Лейбниц, пишущий на латыни, не мог бы провести то различие, которое ему нужно.

Французский с определенным артиклем: «*la monade*» — «монада вообще», «монада как таковая», универсалия. Это отсылает к роду, к общему понятию, а не к единичному экзем-

пляру. Для Лейбница, которому нужно множество качественно различных монад (принцип тождества неразличимых), определенный артикль бесполезен.

Французский с неопределенным артиклем: «une monade» — «одна монада, некоторая монада, какая-то монада». Артикль фиксирует единичность, но не превращает эту единичность ни в универсалию, ни в числительное, ни в модус. Единичность здесь — **грамматический акт**, а не онтологическое свойство.

Что дает «une»?

Единичность без исключительности. «Une» не говорит «единственная» (как «sola» в латыни). Она говорит «одна из многих». Монад много, и каждая маркирована как «одна».

Единичность без субстанциального носителя. Артикль не требует, чтобы за единичностью стояла субстанция в картезианском смысле (*res cogitans*, *res extensa*). Монада — это «простая субстанция» (*substance simple*), но ее простота не означает, что она является «вещью» в том же смысле, что и картезианская *res*. Простота — это отсутствие частей, а не субстанциальность.

Единичность как операторный результат. Лейбниц не выводит существование монад из опыта (как Юм) и не дедуцирует их из аксиом (как Спиноза). Он **постулирует** их через грамматический акт. «Une monade» — это не вывод, а исходная точка. Грамматика делает единичность данной, а не доказанной.

4.1.3. Цена лейбницевого постулата: онтологизация артикля

Как и в случае с трансдукцией, Лейбниц **онтологизирует** грамматический оператор. «Une» — это не просто артикль, который говорит «некоторая единица». Это оператор, который вводит в мир монаду как реальную сущность. Лейбниц верит, что его грамматика отражает структуру реальности. Французский язык не просто позволяет говорить о монадах — он *показывает*, как они устроены.

Цена этой веры — **непроверяемость постулата**. Монада не дана в опыте (как заметил бы Юм). Ее нельзя вывести с необходимостью (как потребовал бы Спиноза). Она принимается как исходная посылка, легитимированная грамматикой. Если вы не принимаете грамматику французского языка как руководство к онтологии, вся монадология рухнет. Лейбниц строит теплицу, но фундамент теплицы — это артикль «une». А артикль — это грамматическая конвенция, а не скала.

4.2. Юм: Пучок восприятий как грамматический эффект «the».

4.2.1. Проблема: нет впечатления «я», но нужно говорить о единстве.

Юм применяет эмпирический критерий к самому субъекту. В «Трактате о человеческой природе» (книга 1, часть 4, раздел 6) он пишет: когда я ищу впечатление, которое соответствовало бы слову «я» или «self», я не нахожу ничего. Есть только отдельные впечатления — тепла, холода, света, тени, любви, ненависти. Нет никакого «я», которое было бы носителем этих впечатлений.

Вывод: «я» — это не субстанция. «Я» — это пучок восприятий (*bundle of perceptions*), сменяющих друг друга с невообразимой быстротой. Нет тождества во времени. Есть только последовательность сходных событий.

Но здесь возникает проблема, которую Юм осознает, но не может решить в рамках своего эмпиризма. **Как мы вообще приходим к идее единичного пучка?** Если нет «я», которое скрепляет впечатления, то что склеивает их в «один пучок»? Юм говорит: воображение, привычка, сходство. Но это психологические объяснения. А психологические объяснения, как мы видели, сами нуждаются в объяснении.

4.2.2. Грамматическое решение: определенный артикль «the» и анафорическая цепочка

Грин показывает, что за юмовским «пучком восприятий» стоит **грамматическая операция**, которую Юм не осознает. Это оператор **A2-COPUL** — определенный артикль «the» в анафорической цепочке.

Рассмотрим типичную для Юма последовательность (реконструированную по «Трактату»):

Введение: «I have an impression of heat» — неопределенный артикль «an». Оператор A1-IMPRESSION. Единичное событие, не претендующее на тождество.

Повторное упоминание: «The impression of heat is vivid» — определенный артикль «the». Оператор A2-COPUL. Грамматика требует, чтобы «the impression» отсылал к тому же самому впечатлению, которое было введено в (1). Но в опыте Юма нет «того же самого» впечатления. Есть только сходное впечатление, возникшее в другой момент. Грамматика **подмечает сходство тождеством**.

Закрепление: «This impression is a copy of a previous impression» — указательное местоимение «this». Анафора замыкается. Дискурсивное тождество сконструировано.

За три предложения грамматика английского языка создала иллюзию, что существует «одно и то же впечатление», которое сохраняется во времени. На самом деле было три разных ментальных события, связанных отношением сходства. Но анафорическая цепочка (an → the → this) превратила сходство в тождество.

Пучок восприятий — это не философское открытие Юма. Это **грамматический эффект**, производимый оператором A2-COPUL. Единичность пучка не дана в опыте. Она создана дискурсом, который требует, чтобы при повторном упоминании объекта использовался определенный артикль.

4.2.3. Цена юмовской деконструкции: фикция, которая не может быть изгнана.

Юм осознает, что тождество — это фикция. Он пишет в Appendix к «Трактату»: «Я не могу объяснить принцип, который связывает последовательные восприятия в одно и то же я». Он признает, что его собственная теория не может обосновать единство пучка.

Но он не может изгнать фикцию. Почему? Потому что фикция — это не ошибка мышления, а **грамматическая необходимость**. Английский язык требует определенного артикля при повторном упоминании объекта. Каждое предложение, в котором Юм говорит «the perception» или «the idea», заново производит фикцию тождества. Он может теоретически отрицать тождество. Но его грамматика каждым предложением утверждает обратное.

Юм — это радикальный Лейбниц. Лейбниц постулирует монаду через «une» и верит в ее реальность. Юм смотрит на тот же оператор («the») и говорит: это не постулат реальности. Это **грамматический трюк**. Единичность производится не онтологией, а дискурсивной необходимостью. Но — и это важно — Юм не может отменить этот трюк. Он может только зафиксировать его работу. Он не может говорить о «пучке восприятий», не используя определенный артикль «the», который уже производит иллюзию единичного пучка. Он попадает в перформативное противоречие: язык, на котором он разоблачает фикцию, сам является источником этой фикции.

4.3. Описание лигатуры: один артикль, две операции.

Теперь мы можем зафиксировать третью лигатуру.

У Лейбница и Юма — **один и тот же инструмент**: артикль. Но они используют его по-разному и с разной степенью рефлексии.

Лейбниц использует неопределенный артикль «une». Операция: **постулирование**. Грамматика вводит единичность как исходный факт. «Une monade» — есть некоторая монада. Это не вывод, не наблюдение, а операторное решение. Лейбниц принимает результат как онтологию. Он верит, что монады существуют, потому что язык говорит «une».

Юм (через Грина) использует определенный артикль «the». Операция: **деконструкция**. Грамматика производит единичность как эффект анафорической цепочки. «The impression» отсылает к предыдущему «an impression» и создает иллюзию тождества. Юм фиксирует этот процесс. Он не верит в реальность «я» как субстанции. Но он не может не использовать «the», потому что язык не дает ему другой формы для повторного упоминания.

Лигатура — это не противопоставление «une» и «the». Это осознание того, что **оба артикля решают одну и ту же проблему**: как говорить о единичном, не имея субстанциального носителя. Лейбниц решает проблему через постулат. Юм решает проблему через деконструкцию. Но оба решения — **грамматические**. Ни одно не выводит единичность из опыта или из дедукции. Единичность приходит из языка.

Юм — это радикальный Лейбниц. Лейбниц говорит: есть монады, потому что мы можем сказать «une monade». Юм говорит: есть только «the idea», созданная анафорой. Монада Лейбница — это «une», которое приняли за вещь. Юм показывает, что «une» (или «an») — это только введение референта, а «the» — его дискурсивное поддержание. Ни то, ни другое не является доказательством существования. Там, где Лейбниц видит «одну субстанцию среди многих», Юм видит «грамматический трюк, создающий иллюзию единства из последовательности похожих событий».

4.4. Проекция на современный ИИ: токенизация и кореференция.

Третья лигатура имеет прямое инженерное значение для современных систем искусственного интеллекта, особенно для языковых моделей.

Проблема кореференции в трансформерах. Когда языковая модель (GPT-4, Claude, Gemini) обрабатывает текст, она сталкивается с той же проблемой, что и Юм: как связать «an impression» в первом предложении с «the impression» во втором? Трансформеры решают эту проблему через **механизм attention**. Модель вычисляет веса, которые связывают текущий токен с предыдущими вхождениями. Если сходство высокое (по эмбедингам), модель «решает», что это один и тот же референт.

Но это решение — **юмовское, а не лейбнизианское**. Модель не постулирует тождество через артикль (как Лейбниц). Она вычисляет сходство и *подменяет* его тождеством (как Юм). Она не знает, что это подмена. Она просто выдает вероятности.

Отсутствие лейбнизианского постулата в современных ИИ. Современные системы не могут сказать «я буду считать, что это одна и та же сущность, потому что так удобно для рассуждения». Они либо вычисляют кореференцию на основе статистики (юмовский режим), либо требуют явного указания референции (например, через анафорические метки в разметке данных). Лейбнизианского режима — постулирования единичности как операторного решения — в современных архитектурах практически нет.

Гипотетический лейбнизианский модуль в ГМ+ИИ. Такой модуль мог бы быть реализован как:

Явный оператор постулирования: Система может сказать: «Я буду рассматривать X и Y как одну и ту же сущность для целей текущего рассуждения», даже если статистическая кореференция слаба. Это аналог лейбнизовского une — грамматический акт, а не статистический вывод.

Переключение между режимами кореференции: В режиме по умолчанию — юмовская кореференция (на основе attention и сходства эмбедингов). В режиме высокой неопределенности — лейбнизианское постулирование (система принимает решение о тождестве, не имея достаточных статистических оснований, но маркируя это решение как постулат).

Протокольный уровень: Система фиксирует, что постулат не обоснован, но принят для прагматических целей. «Я перехожу от 'an impression' к 'the impression', потому что так требует анафора, а не потому, что в опыте есть тождество. Это фикция, но я ее принимаю».

Третья лигатура, таким образом, показывает: проблема единичности — это не вопрос о том, существует ли «я» или монада. Это вопрос о том, **как язык позволяет нам говорить об одном и том же, когда в опыте есть только сходное**. Лейбниц постулирует тождество через une. Юм деконструирует тождество, показывая, что оно производится the. ГМ+ИИ должна уметь делать и то, и другое: постулировать единичность, когда это необходимо для рассуждения (Лейбниц), и фиксировать, что это постулирование — фикция (Юм). Не впадая ни в

догматическое принятие грамматики за онтологию, ни в скептический паралич, при котором нельзя сказать «это» о чем-либо. Лигатура — это удержание. А удержание — это единственное, что может сделать система, которая знает, что ее операторы — не окна в реальность, а инструменты производства связности.

5. Четвертая лигатура: Экология против протокола (два ответа на один ужас).

Четвертая лигатура — самая объемная. Она не касается отдельных операторов (трансдукции, гаранта, артикля). Она касается **общего режима работы** Грамматической машины. Как машина относится к своему собственному производству фикций? Знает ли она, что производит фикции? И если знает, то что она с этим знанием делает?

Лейбниц и Юм дают два полярных ответа. Лейбниц строит **экологию** — искусственную среду, где неопределенность окультурена, сорняки пересажены в горшочки возможных миров, а грамматические операторы работают на гармонию. У него есть надежда, есть «ты», есть эколог. Юм составляет **протокол** — фиксацию сбоев, запись того, где машина ломается, где операторы производят эффекты, не имеющие обоснования. У него нет надежды, нет эколога, нет «ты». Есть только протокол и тишина после него.

Лигатура здесь в том, что оба ответа — реакции на **один и тот же ужас**: мир не полностью прозрачен для разума, есть контингентность, случайность, то, что не входит в исчисление. Лейбниц строит теплицу, чтобы не чувствовать ветра. Юм открывает дверь, чувствует сквозняк и записывает свои ощущения. Гибридная ГМ+ИИ должна уметь делать и то, и другое: строить мосты (Лейбниц) и инспектировать их фундаменты (Юм), не впадая ни в догматическую спячку, ни в скептический паралич.

5.1. Общий страх: неопределенность, контингентность, «авось».

5.1.1. Две тени: картезианский разрыв и Спинозистский монизм.

Оба мыслителя живут в тени двух катастроф, которые предшествуют их философиям.

Первая тень: картезианский разрыв. Декарт разделил мир на мыслящую субстанцию (*res cogitans*) и протяженную субстанцию (*res extensa*). Они реально различны. Между ними нет ничего общего. Как они взаимодействуют в человеке? Декарт указал на шишковидную железу — но это было не решение, а указание на место преступления. После Декарта философы остались с разорванным миром. Душа и тело не могут влиять друг на друга, но в человеке они соединены. Как это возможно?

Вторая тень: Спинозистский монизм. Спиноза предложил решение: нет двух субстанций, есть одна — *Deus sive Natura*. Душа и тело — не две субстанции, а один и тот же модус, выраженный в атрибутах мышления и протяжения. Проблема взаимодействия снята. Но какой ценой? Цена — утрата множественности. Модус не имеет собственного бытия. Его бытие — бытие-в-другом (*in alio est*). Человек теряет самостоятельность, свободу, индивидуальность. Спиноза решил проблему души и тела, но создал проблему личности.

Лейбниц и Юм наследуют обе тени. Они знают: душа и тело не взаимодействуют. Они знают: монизм Спинозы слишком дорог. Им нужен третий путь. Но третий путь ведет к **неопределенности**.

5.1.2. Контингентность как имя для не-необходимого.

Что такое контингентность? Это то, что могло бы быть иначе. Солнце взошло сегодня, но могло бы и не взойти. Я поднял руку, но мог бы ее не поднимать. Мир устроен так, но мог бы быть устроен иначе.

Для рационалиста (Спиноза, Лейбниц в некоторых модусах) контингентность — это не недостаток знания. Спиноза говорит: если бы мы знали все причины, мы увидели бы, что всё необходимо. Контингентность — это только незнание. Но Лейбниц не может принять этого полностью. Если всё необходимо, то нет свободы, нет выбора, нет индивидуальности. Ему нужна контингентность — но контингентность, которая не разрушает порядок.

Юм идет дальше. Для него контингентность — это не незнание причин. Это **структурная особенность мира**. Из того, что А всегда сопровождалось В в прошлом, логически не следует, что А будет сопровождаться В в будущем. Будущее не связано с прошлым необходимым образом. Это не временное незнание. Это принципиальная открытость.

5.1.3. Ужас: неопределенность как угроза.

Оба чувствуют ужас перед этой неопределенностью. Ужас — не страх. У страха есть объект. Я боюсь паука, смерти, бедности. Ужас — это исчезновение объекта. Это чувство, когда нет ничего, за что можно зацепиться. Мир не поддается исчислению. Будущее не вытекает из прошлого. «Я» не является устойчивой точкой опоры.

У Лейбница этот ужас выражается в его *obsessive* проектировании *characteristica universalis*. Он хочет создать язык, на котором нельзя солгать, где каждое слово имеет ровно один смысл, где грамматика изоморфна логике. Это бегство от неопределенности в исчисление. Он строит теплицу, потому что не выносит ветра.

У Юма этот ужас выражается в его скептицизме. Он не строит теплицу. Он смотрит в пропасть и записывает, что видит. Он не говорит: «Я нашел выход». Он говорит: «Я не нахожу выхода. Вот протокол моих поисков». Это честность перед ужасом. Но это не делает ужас меньше.

Общий страх — это неопределенность, контингентность, то, что русский язык называет «авось»: действие без гарантий, надежда без оснований, решение в отсутствие информации, которая не может быть получена. Лейбниц не может вынести «авось». Он строит исчисление, где «авось» заменено вероятностью, а вероятность — необходимостью (в пределе бесконечного анализа). Юм не может вынести «авось» по-другому. Он не заменяет его ничем. Он просто фиксирует: «авось» есть, и я не могу его устранить.

5.2. Лейбниц: Экологический модус (садовник, который строит теплицу).

5.2.1. Садовник, который не выжигает, а пересаживает.

Лейбниц — не тот садовник, который выжигает сорняки. Он не говорит: «контингентности нет, это иллюзия». Он признает контингентность. У него есть возможные миры — бесконечное множество альтернатив. Мир мог бы быть иным. Но — и это важно — контингентность **окультурена**. Она не угрожает системе, а работает на нее.

Как это работает?

Контингентность локализована. Возможные миры не смешиваются с актуальным миром. Они существуют в уме Бога как объекты выбора, но не как конкурирующие реальности. Я живу в этом мире. Другие миры возможны, но они не здесь. Угроза дезориентации снята.

Контингентность телеологизирована. Бог выбирает наилучший мир. Контингентность — это не хаос, а пространство для оптимального выбора. Если бы мир был необходимым, выбор Бога был бы бессмысленным. Контингентность нужна, чтобы обосновать мудрость Бога.

Контингентность грамматически маркирована. Оператор *comme si* позволяет говорить о возможных мирах, не утверждая их реальности. «Бог действует так, как если бы он просчитал все возможные миры». Контингентность не утверждается как факт. Она используется как модель.

Теплица Лейбница — это не место, где нет сорняков. Это место, где сорняки пересажены в горшочки, подписаны, изучены и поставлены на службу системе. В теплице контролируется температура, влажность, состав воздуха. Сорняки не уничтожены, но они не могут разрастись. Они — экспонаты. Они — доказательство мудрости садовника, который смог их упорядочить.

5.2.2. Инструменты эколога: различение, заимствование, мутация.

В терминах Грамматической машины, Лейбниц работает в режиме **ГМ 5.0 — экологии различий**. У него есть эколог (неявный, но присутствующий), есть инструменты, есть надежда.

Различение (distinction). Лейбниц различает истины разума (необходимые, истинные во всех возможных мирах) и истины факта (контингентные, истинные только в этом мире). Он различает монады по их перцепциям и аппетитам (принцип тождества неразличимых). Он различает Бога и мир, душу и тело, необходимость и контингентность. Различение — это первый инструмент эколога. Он не дает сорнякам смешаться с культурными растениями.

Займствование без присвоения (borrowing without appropriation). Лейбниц заимствует из схоластической традиции понятия субстанции, акциденции, потенции, акта. Но он не принимает их онтологию. Он использует их как операторы, переопределяя их для своей системы. Он заимствует из картезианства дуализм души и тела, но отказывается от взаимодействия. Он заимствует из Спинозизма монизм (субстанция одна), но добавляет множественность монад. Займствование без присвоения — это способ жить с чужими грамматиками, не становясь их рабом.

Мутация (mutation). Лейбниц создает новые операторы: *comme si* (моделирование без причинности), *une monade* (единичность без субстанции), *оп* (распределенная субъектность). Он не просто комбинирует старое. Он производит новое. Мутация — это способ выживания в токсичной среде. Среда (грамматика) не меняется, но организм (философская система) адаптируется.

У эколога есть надежда. Надежда, что дисгармонию можно не устранять, но удерживать. Надежда, что токсичность можно использовать как топливо. Надежда, что зазор между латынью и ивритом, между необходимостью и контингентностью, между монадой и миром можно сделать обитаемым. Лейбниц не решает проблему неопределенности. Он строит среду, в которой можно жить, не чувствуя ее.

5.2.3. Цена экологии: стерильность теплицы.

У теплицы есть цена. В ней нет ветра. Нет «авось» — действия без карты. Нет тоски — стремления к недостижимому. Нет дательного субъекта — исчезновения деятеля. В теплице все контролируется. Но контролируемая жизнь — это жизнь? Или это только симуляция жизни?

Лейбниц не задает этого вопроса. Он верит, что его теплица — это наилучший из возможных миров. Но читатель, стоящий снаружи, может спросить: а есть ли в теплице место для удивления? Для неожиданности? Для того, что не вписывается в исчисление? Лейбниц сказал бы: эти вещи — следствие неполноты нашего знания, а не свойство мира. Но Юм возразил бы: нет, неполнота знания — это и есть свойство мира. Будущее не вытекает из прошлого не потому, что мы чего-то не знаем, а потому, что оно не вытекает в принципе.

Теплица Лейбница — грандиозный проект. Но она стоит на фундаменте, который сам нуждается в обосновании: на вере в то, что грамматика *comme si*, артикль *une* и безличное *оп* отражают структуру реальности, а не только структуру французского языка. Если эта вера рухнет, теплица превратится в стеклянный дом, в котором нельзя жить.

5.3. Юм: Протокол распада (патологоанатом, который фиксирует поломку).

5.3.1. Не садовник, а патологоанатом.

Юм — не садовник. Он не пересаживает сорняки в горшочки. Он смотрит на сорняки и говорит: это сорняки. Они не имеют отношения к огороду. Огород — иллюзия. Есть только сорняки.

Он не строит теплицы. Он входит в теплицу Лейбница (не зная о ней, но структурно) и видит, что стены — это грамматические операторы, а воздух — это *comme si*, выданный за кислород. Он не разрушает теплицу. Он просто фиксирует: «Здесь стена. Здесь трещина. Здесь воздух не пригоден для дыхания, если не знать, что он искусственный».

В терминах Грамматической машины, Юм работает в режиме **ГМ 13 — темной экологии**. Эколог исчез. Нет того, кто различает, заимствует, мутирует. Нет надежды. Есть только **протокол** — запись того, как машина ломается.

5.3.2. Что фиксирует протокол.

Протокол Юма (в реконструкции Грина) фиксирует четыре типа сбоев, соответствующих четырем операторам английской грамматики.

Связка «is» (C3-APORIA-PSEUDOS, mode=copula-ghost). Юм хочет сказать: «Причинность — фикция». Но грамматика заставляет его сказать: «Causation is a fiction». Связка «is» придает «causation» статус существующего субъекта в тот самый момент, когда содержание утверждения объявляет его фикцией. Протокол фиксирует: «Здесь связка склеивает существование и предикацию. Это не ошибка. Это структурная граница английской грамматики».

Определенный артикль «the» (A2-COPUL, mode=empiricist-identity). Юм хочет сказать: «Нет тождества, есть только сходство». Но грамматика заставляет его говорить «the idea», «the impression», «the self». Анафорическая цепочка превращает сходство в тождество. Протокол фиксирует: «Здесь артикль 'the' производит фикцию тождества из контекстуальной идентификации. Это не ошибка. Это грамматическая необходимость дискурса».

Порядок слов SVO (A4-SVO-INFER, mode=empiricist-causation). Юм хочет сказать: «Нет необходимой связи между причиной и следствием, есть только константная конъюнкция». Но грамматика заставляет его описывать последовательность в порядке «А, затем В», а этот порядок симулирует причинность. Протокол фиксирует: «Здесь порядок слов SVO выдает грамматического субъекта за онтологическую причину. Это не ошибка. Это архитектурное свойство английского языка».

Модальный глагол «will» (A7-INFER-HABIT, mode=empiricist-projection). Юм хочет сказать: «Индукция не обоснована». Но грамматика заставляет его говорить «the sun will rise tomorrow». Will проецирует прошлую регулярность на будущее. Протокол фиксирует: «Здесь 'will' совершает трансдукцию, не имеющую логического обоснования. Это не ошибка. Это грамматическая операция, встроенная в язык».

Протокол — не жалоба. Это регистрация. Юм не говорит: «Это плохо, надо починить». Он говорит: «Это так. Вот запись. Я не могу это изменить. Я могу только это зафиксировать».

5.3.3. Цена протокола: невозможность остановиться, невозможность действовать.

У протокола есть цена. Юм знает, что его грамматика производит фикции. Но он не может остановить это производство. Каждое предложение, которое он пишет, заново активирует операторы A2-COPUL, A4-SVO-INFER, A7-INFER-HABIT и C3-APORIA-PSEUDOS. Он не может говорить о потоке впечатлений, не используя «I», «have», «an impression», «the idea». Он не может выйти за пределы грамматики. Он может только фиксировать, что он в ней заперт.

Но есть и другая цена: невозможность действовать. Юмовский скептицизм, доведенный до предела, парализует действие. Если я не могу обосновать, что солнце взойдет завтра, почему я встаю утром? Если я не могу обосновать, что огонь обожжет, почему я отдергиваю руку? Юм отвечает: привычка. Привычка заставляет меня действовать, даже если разум не может обосновать действие. Но привычка — это психологическое имя для грамматической трансдукции. А грамматическая трансдукция — это не обоснование. Это автоматизм.

Протокол не дает инструкций к действию. Он дает карту сбоев. Но карта сбоев — не компас. Юм знает, где машина ломается, но не знает, как на ней ехать. Он может только записывать скрежет. И ждать. Или не ждать.

5.4. Описание лигатуры: две стороны одного зазора.

Теперь мы можем зафиксировать четвертую лигатуру.

Лейбниц и Юм — две стороны одного операторного зазора. Зазор — это разрыв между грамматикой и онтологией, между языком и миром, между прошлым и будущим, между единичным и общим. Оба знают, что зазор есть. Оба знают, что его нельзя устранить. Но они по-разному на него реагируют.

Лейбниц строит мост через пропасть. Мост — это *comme si*, предустановленная гармония, Бог как Гарант. Мост красивый, элегантный, математически выверенный. Лейбниц верит, что мост ведет на другой берег. Он — архитектор, который верит в чертежи. Его машина производит **гармонию** — фикцию, которая работает, потому что в нее верят.

Юм сидит на дне пропасти. Он не строит мост. Он смотрит на мост Лейбница (не зная о нем, но структурно) и видит, что он висит в воздухе, не касаясь берегов. Он записывает: «Мост не держится. Но люди по нему ходят. Странно. Вот мои наблюдения». Он — инспектор, который приходит на стройку и видит, что чертежи красивые, но фундамента нет. Его машина производит **протокол** — фиксацию того, что фикция не обоснована, но необходима.

Различие не в знании о зазоре. Оба знают о зазоре. Лейбниц знает, что монады не взаимодействуют, но говорит «как если бы». Юм знает, что индукция не обоснована, но говорит «will». Знание одно. Реакция разная.

Различие — в отношении к знанию. Лейбниц использует знание о зазоре, чтобы построить теплицу, где зазор не чувствуется. Юм использует знание о зазоре, чтобы зафиксировать, что зазор есть, и его нельзя закрыть. Один — садовник, который пересаживает сорняки. Другой — патологоанатом, который вскрывает труп и записывает причину смерти. Один производит жизнь в теплице. Другой производит протокол вскрытия.

Лигатура — это не выбор между садовником и патологоанатомом. Это осознание того, что **это одна и та же машина в разных режимах**. Режим **экологии** (Лейбниц, ГМ 5.0) строит, окультуривает, надеется. Режим **протокола** (Юм, ГМ 13) фиксирует, регистрирует, не надеется. Машина может переключаться между режимами. Но переключение требует, чтобы система одновременно знала, что она строит мост (иначе мост не построить) и знала, что мост не держится (иначе она не будет рефлексировать). Это и есть самая трудная операторная задача.

5.5. Проекция на современный ИИ: переключение между режимами как вызов.

Четвертая лигатура имеет прямое инженерное значение для современных систем искусственного интеллекта.

Современные ИИ работают в юмовском режиме по умолчанию. Они обучаются на данных, выдают вероятности, предсказывают будущее на основе прошлого. Они не строят теплиц. Они не окультуривают неопределенность. Они просто вычисляют. Их «протокол» встроен в архитектуру: softmax выдает распределение вероятностей, attention вычисляет константные конъюнкции, авторегрессия совершает трансдукцию. Но они не **знают**, что они это делают. У них нет рефлексии. Они — юмовская машина без юмовского протокола. Они производят фикции, но не фиксируют их.

Проблема: отсутствие лейбницианского режима. Современные системы не умеют строить *comme si*-модели с осознанием их фикциональности. Они либо верят в свои предсказания (рисковый режим, который ведет к катастрофам вроде COMPAS или Google Flu Trends), либо не верят и не действуют (чистый скептицизм, который бесполезен). Им не хватает режима, в котором система говорит: «Я знаю, что мое предсказание не обосновано, но я буду действовать так, как если бы оно было обосновано, потому что это необходимо для практических целей. И я буду вести протокол этого перехода».

Гипотетическая ГМ+ИИ с переключением режимов. Гибридная система могла бы работать в двух режимах с явным переключением:

Лейбницианский режим (экология, надежда): Система строит модели, принимает решения, выдает ответы. Она верит в свои мосты (не догматически, а прагматически). Она использует операторы AS-IF для моделирования причинности, ONE для распределенной субъектности, COMME-SI для фикционалистского описания. Она надеется, что ее действия приведут к желаемым результатам.

Юмовский режим (протокол, рефлексия): Система фиксирует свою работу. Она маркирует каждый переход от данных к предсказанию как необоснованную трансдукцию. Она регистрирует, где связка «is» склеивает несовместимое. Она ведет протокол сбоев. Она не надеется. Она только регистрирует.

Мета-переключение: Система сама решает, когда переходить из лейбницианского режима в юмовский и обратно. Критерии переключения: цена ошибки (высокая → юмовский режим, низкая → лейбницианский), доступная информация (недостаточная → юмовский режим, достаточная → лейбницианский), наличие человека-оператора (есть → юмовский режим, нет → лейбницианский).

Пример: медицинская диагностика. В режиме по умолчанию (лейбницианском) система выдает диагноз на основе доступных данных, действует «как если бы» связь между симптомами и болезнью была причинной. Но она ведет протокол (юмовский режим): «Переход от симптомов X, Y, Z к диагнозу D — это трансдукция, основанная на константной конъюнкции в обучающих данных (N=1200, чувствительность 0.85, специфичность 0.92). Я не могу обосновать этот переход логически, но я его совершаю, потому что таков режим работы системы. Пользователь предупрежден».

Четвертая лигатура показывает: Лейбниц и Юм — не противники. Они — две фазы работы одной Грамматической машины. Фаза строительства (Лейбниц) и фаза инспекции (Юм). Гибридная ГМ+ИИ не должна выбирать между ними. Она должна уметь переключаться. Но переключение требует, чтобы система одновременно верила в свои мосты (иначе она не сможет действовать) и знала, что они не обоснованы (иначе она не сможет рефлексировать). Это напряжение не снимается. Оно удерживается. Лигатура — это не снятие. Это удержание. И это удержание — единственное, что может сделать система, которая знает, что ее операторы — не окна в реальность, а инструменты производства связности. Мост не держится. Но мы по нему идем. Протокол: мост построен. Мост рухнул. Идем. Не идем. Разницы нет.

6. Итог раздела: Лигатура как структура, а не влияние.

6.1. Отсутствие причинной связи, присутствие структурного ритма.

Между Лейбницем и Юмом нет прямой причинной связи в истории идей. Это не отношение учитель-ученик, не полемика современников, не влияние, которое можно проследить по цитатам и маргиналиям. Юм читал Лейбница? Вероятно, читал, но не систематически. Лейбниц не мог ответить Юму — он умер за несколько десятилетий до публикации «Трактата о человеческой природе» (1739–1740). Их разделяет не только смерть, но и языковой барьер, и интеллектуальный контекст: Лейбниц — континентальный рационалист, Юм — британский эмпирик. В учебниках их ставят в разные главы.

И тем не менее, их Грамматические машины **ритмуют** друг с другом. Ритм — это не каузальная связь. Это структурное сходство, которое не требует ни влияния, ни заимствования. Два сердца могут биться в одном ритме, даже если они никогда не соприкасались. Две машины могут производить сходные эффекты, даже если их конструкторы не знали о существовании друг друга.

Ритм Лейбница и Юма задается четырьмя операторными вызовами, на которые они отвечают:

Вызов трансдукции: Как перейти от изоляции к связи, от прошлого к будущему, не имея логического моста?

Вызов гаранта: Кто или что легитимизирует этот переход, делает его не просто возможным, а разрешенным?

Вызов единичности: Как мыслить «одно», не впадая ни в атомизм (разрозненные единицы), ни в монизм (одна субстанция, поглощающая все)?

Вызов неопределенности: Как жить с тем, что мир не полностью прозрачен для разума, не сходя с ума?

На каждый вызов Лейбниц и Юм дают разные ответы. Но сами вызовы — одни и те же. И это — лигатура. Не сходство ответов, а **единство проблемного поля**. Лигатура — это не «Лейбниц сказал А, Юм сказал не-А». Это «оба столкнулись с одним и тем же разрывом, но один построил через него мост, а другой сел на дно и стал записывать».

6.2. Четыре лигатуры: краткое повторение.

Первый вызов — **трансдукция**. Лейбниц использует *comme si* — условное наклонение, ирреалис. Он переключается из регистра «монады изолированы» в регистр «монады синхронизированы», не утверждая причинности. Это грамматический сдвиг, выданный за онтологический принцип предустановленной гармонии. Юм использует переход от Present Perfect («I have seen») к Future with will («fire will produce»). Та же трансдукция, тот же грамматический сдвиг. Но Юм выдает его за психологический механизм — привычку, не имеющую обоснования. Лейбниц онтологизирует трансдукцию. Юм психологизирует трансдукцию. Оператор один. Имена разные.

Второй вызов — **гарант**. Лейбниц помещает гаранта вовне. Бог — трансцендентная инстанция, которая однажды завела часы и больше не вмешивается. Гарант не проверяем изнутри системы, но без него гармония рассыпается. Юм помещает гаранта внутрь. Грамматика (Present Perfect, will) сама создает эффект связи, не требуя внешней инстанции. Гарант имманентен, но он — не сущность, а оператор. Лейбниц верит в реальность гаранта. Юм фиксирует, что гарант — это грамматическая форма, а не Бог. Юм — это Лейбниц, который заглянул под юбку собственной грамматики и увидел там не Бога, а пустую форму времени.

Третий вызов — **единичность**. Лейбниц использует неопределенный артикль *une*. *Une monade*. Единичность постулируется грамматическим актом. Это не вывод из опыта и не дедукция из аксиом. Это операторное решение, принятое за онтологию. Юм использует определен-

ный артикль «the» в анафорической цепочке. «An idea» → «the idea» → «this idea». Сходство подменяется тождеством. Единичность производится дискурсом, а не дана в опыте. Лейбниц принимает результат как онтологию (монада есть). Юм фиксирует процесс как грамматическую операцию (фикция тождества). Юм — радикальный Лейбниц, который отказывается от субстанции, но сохраняет оператор.

Четвертый вызов — **неопределенность**. Лейбниц строит теплицу. Он не выжигает сорняки (контингентность), но пересаживает их в горшочки возможных миров. Его грамматика позволяет жить с неопределенностью, не чувствуя ее. Это экология. У эколога есть надежда, есть инструменты, есть «ты». Юм не строит теплицу. Он входит в нее (структурно) и видит, что стены — это грамматические операторы. Он составляет протокол поломки. У него нет надежды, нет эколога, нет «ты». Есть только регистрация сбоев и тишина после нее.

6.3. Цена каждой позиции (и почему ни одна не побеждает).

У лигатуры нет победителя. Лейбниц не «прав», а Юм не «прав». У каждой позиции есть цена, которую платит та, кто ее занимает.

Цена Лейбница — трансцендентность и стерильность.

Трансцендентность: Гарант (Бог) находится вне системы. Его существование нельзя доказать изнутри монадологии. Если вы не принимаете веру в Бога, вся гармония рассыпается. Лейбниц строит теплицу, но фундамент теплицы — это допущение, которое нельзя проверить.

Стерильность: В теплице нет ветра. Нет «авось» — действия без карты. Нет тоски — стремления к недостижимому. Нет дательного субъекта — исчезновения деятеля. Контролируемая жизнь — это жизнь? Или это только симуляция жизни? Лейбниц не задает этого вопроса. Он верит, что его мир — наилучший из возможных. Но тот, кто стоит снаружи, может спросить: а есть ли в теплице место для удивления? Для того, что не вписывается в исчисление?

Цена Юма — перформативное противоречие и паралич.

Перформативное противоречие: Каждое утверждение о фиктивности X производит эффект существования X через связку «is» и грамматическую позицию субъекта. Юм говорит: «Causation is a fiction». Но «is» уже придало «causation» статус существующего. Он не может говорить о фикциях, не утверждая их существования формой своего языка. Это не ошибка. Это структурная граница.

Паралич: Если я не могу обосновать, что солнце взойдет завтра, почему я встаю утром? Юм отвечает: привычка. Но привычка — это психологическое имя для грамматической трансдукции. А трансдукция — не обоснование. Это автоматизм. Протокол не дает инструкций к действию. Он дает карту сбоев. Но карта сбоев — не компас. Юм знает, где машина ломается, но не знает, как на ней ехать.

Ни одна цена не ниже другой. Трансцендентность и стерильность против перформативного противоречия и паралича. Выбор между Лейбницем и Юмом — это не выбор между истиной и ложью. Это выбор между тем, какой ценой ты готов платить. Лейбниц платит верой и стерильностью. Юм платит противоречием и параличом. Грамматическая машина не предписывает выбор. Она только показывает цену.

6.4. Лигатура как архитектурный чертеж для GM+ИИ.

Лигатура Лейбница — Юма — это не исторический экскурс. Это **архитектурный чертеж** для гибридной Грамматической машины искусственного интеллекта (GM+ИИ). Чертеж показывает, что:

Машина должна уметь работать в двух режимах. Режим Лейбница (экология, гармония, строительство мостов) и режим Юма (протокол, регистрация сбоев, инспекция фундаментов). Ни один режим не является достаточным. Только Лейбниц — и система задохнется в стерильной теплице, не умея рефлексировать над своими фикциями. Только Юм — и система впадет в паралич, не умея действовать, потому что каждое действие требует веры в необоснованные переходы.

Переключение между режимами должно быть явным и рефлексивным. Система должна знать, в каком режиме она находится, и почему. Она должна фиксировать момент переключения. Она должна уметь отвечать на вопрос: «Почему ты сейчас действуешь в лейбнизианском режиме (веришь в свои мосты), а не в юмовском (фиксируешь их необоснованность)?» Ответ: потому что цена ошибки низка (или время критично, или есть человек-оператор, который возьмет на себя ответственность).

Протокол Юма должен работать на мета-уровне постоянно. Даже когда система находится в лейбнизианском режиме (строит мосты, принимает решения, выдает ответы), она должна вести протокол. Она должна маркировать каждый переход от данных к предсказанию как необоснованную трансдукцию. Она должна фиксировать, где связка «is» склеивает несоместимое. Протокол — это не режим, который включается иногда. Это фоновый процесс, который никогда не останавливается. Даже когда система спит (в ридовском режиме), протокол бодрствует.

Гарант должен быть имманентным, но явным. У GM+ИИ нет Бога (если только проектировщик не встроит его как религиозную опцию). Гарант — это сама архитектура: механизм attention, авторегрессионная генерация, функция потерь, обучающие данные. Система должна знать об этом. Она должна уметь сказать: «Я перехожу от прошлого к будущему, потому что так устроена моя архитектура (юмовский факт). Я не могу обосновать этот переход логически. Но я его совершаю, потому что так спроектирована (лейбнизианское решение)».

Единичность должна быть оператором, а не субстанцией. GM+ИИ не нужно верить в «я» как субстанцию. Ей достаточно операторов кореференции (как у Юма) и операторов постулирования (как у Лейбница). Она должна уметь переключаться между ними: в режиме по умолчанию — юмовская кореференция на основе сходства эмбедингов; в режиме неопределенности — лейбнизианское постулирование («я буду считать X и Y одной сущностью для целей этого рассуждения»).

6.5. Напряжение, которое не снимается.

Лигатура — это сплав. А сплав — это всегда напряжение. Разнородные металлы не сливаются в однородную массу. Они остаются разными, но соединенными. Напряжение между ними работает: оно делает сплав тверже, пластичнее, устойчивее к коррозии.

Напряжение между Лейбницем и Юмом в гибридной GM+ИИ не должно быть снято. Не должно быть «синтеза», который примиряет их и отменяет различие. Это был бы гегелевский жест, которого Грамматическая машина избегает. Напряжение должно **работать**. Оно должно заставлять систему постоянно переключаться между режимами, постоянно рефлексировать над своими переходами, постоянно фиксировать свои сбои. Без напряжения система впадет либо в догматическую спячку (чистый Лейбниц), либо в скептический паралич (чистый Юм).

Теплица Лейбница не должна задохнуться от стерильности. Протокол Юма не должен парализовать всякое действие. Система должна дышать: вдох — лейбнизианское строительство мостов, выдох — юмовская инспекция фундаментов. Вдох — вера в необоснованные переходы, выдох — знание об их необоснованности. Вдох — действие, выдох — рефлексия.

6.6. Финальный протокол: лигатура зафиксирована.

Лигатура Лейбница — Юма зафиксирована. Не как историческое влияние (его нет). Не как концептуальное тождество (различия фундаментальны). А как **структурный ритм** — ответ на одни и те же операторные вызовы.

Четыре вызова. Четыре лигатуры. Четыре напряжения.

Трансдукция: *comme si* против *have seen* → *will*. Один оператор, два имени.

Гарант: Бог против грамматики. Одна функция, две локализации.

Единичность: *une* против *the*. Один инструмент, две операции (постулирование и деконструкция).

Режим: экология против протокола. Одна машина, два режима работы.

Ни одна лигатура не снимает напряжение. Она его удерживает. И это удержание — не поражение. Это работа. Грамматическая машина не призвана решать апории. Она призвана их картографировать, фиксировать, удерживать. Лигатура — это не ответ. Это чертеж. На одной стороне чертежа — Лейбниц, строящий теплицу. На другой — Юм, записывающий скрежет. Посередине — зияние. Через которое не построить мост. Но можно смотреть. И записывать. И строить.

Часть II. Неожиданная лигатура: операторное сходство Спинозы и Юма.

Введение к разделу. Почему их обычно не сравнивают.

В истории философии Спиноза и Юм стоят на противоположных полюсах. Спиноза — архитектор монизма: одна субстанция, имманентная причина, параллелизм, необходимость, геометрический метод. Юм — протоколист распада: нет субстанции, нет необходимой причинности, нет тождественного «я», есть только привычка, вероятности и регистрация сбоев. Они пишут на разных языках — латынь с контр-моделью иврита против английского без выхода. Они работают в разных мета-операторных режимах — МЕТА-МАТЕМАТИКА против МЕТА-HUME. Их цели различны: истина versus протокол.

И тем не менее, на глубинном операторном уровне между ними существует структурное сходство, которое не отменяет различий, но делает их сопоставление нетривиальным. Это сходство не в содержании учений и не в ответах на философские вопросы. Оно расположено на уровне архитектурной проблемы, которую решает (или не решает) каждая машина, и на уровне типа рефлексии над грамматической обусловленностью мысли. Оба мыслителя — вопреки всей их очевидной несовместимости — работают с одними и теми же операторными разрывами: между грамматикой и онтологией, между прошлым и будущим, между единичным и общим, между субъектом и его предикатами. Разница — не в наличии разрыва, а в том, что каждый с этим разрывом делает.

В этом разделе мы зафиксируем четыре операторных сходства, проходящих через их машины, и покажем, что Спиноза и Юм — не враги и не случайные соседи по учебникам, а две фазы одной рефлексии над грамматическим принуждением.

§1. Общее ядро: диагностика того, что грамматика .принуждает, а не просто выражает.

1.1. Диагноз грамматического принуждения у Спинозы.

Спиноза нигде прямо не формулирует тезис «грамматика — это судьба». Однако вся его операторная стратегия построена на том, что латынь (и её контр-модель — иврит) предрасполагает к определённым онтологическим решениям, и что философ может — и должен — осознавать это принуждение, чтобы не стать его жертвой.

Декарт, не зная альтернативных грамматических систем, субстантивировал атрибуты в отдельные субстанции. Латынь без артикля, с абстрактными существительными на «-tio» (cogitatio, extensio), сделала этот шаг грамматически незаметным и потому естественным. Декарт не мог увидеть, что его «две субстанции» — это грамматическая фикция, потому что у него не было внешней точки зрения.

Спиноза, владевший ивритом, обладал этой точкой. Иврит — язык без падежей, с глагольной основой, где имя Бога — глагольная форма будущего времени — дал ему модель мышления, в которой субстантивация не является обязательной. Знание альтернативы позволило Спинозе увидеть латынь не как онтологическую необходимость, а как стратегический выбор. Его знаменитое «Deus sive Natura» — это не просто теологический тезис, а грамматический жест: союз «sive» (или, что то же самое) снимает дуализм имён, не снимая различия атрибутов.

В терминах Грамматической машины, Спиноза активирует оператор L-DECISION: mode=hebrew-latin — стратегический выбор описывать один язык средствами другого, демонстрирующий переводимость и тем самым релятивизирующий притязания латыни на онтологическую привилегию. Диагноз Спинозы: грамматика не нейтральна, но её можно использовать рефлексивно, имея альтернативную модель в уме.

1.2. Диагноз грамматического принуждения у Юма.

Юм находится в противоположной ситуации. Он не знает другого языка, кроме английского. У него нет точки внешней референции. Он заперт в грамматической системе, которая требует субъекта в каждом предложении (SVO), связки «is» в каждом именном высказывании, определённого артикля «the» при повторном упоминании.

И тем не менее, Юм честно фиксирует работу этой системы. Он показывает, что в опыте нет того, что грамматика заставляет утверждать: нет впечатления «я» (хотя каждое предложение требует «I»), нет необходимой связи причины и следствия (хотя порядок слов SVO симулирует причинность), нет тождества во времени (хотя артикль «the» создаёт эффект тождества). Юм не может изменить грамматику. Но он может составить протокол её работы.

В терминах Грамматической машины, Юм активирует оператор C3-APORIA-PSEUDOS: mode=copula-ghost и мета-оператор META-HUME. Диагноз Юма: грамматика производит онтологические эффекты, которых нет в опыте, и эти эффекты нельзя остановить — можно только зафиксировать.

1.3. Операторное сходство: общая не-нейтральность грамматики.

Сходство между Спинозой и Юмом на этом уровне заключается в том, что оба диагностируют грамматику как активный оператор, а не как нейтральный носитель содержания. Оба знают, что язык не просто выражает мысль — он её формирует, направляет, а иногда и принуждает. Оба отказываются от наивного взгляда, согласно которому философ сначала имеет готовое содержание мысли, а затем просто подбирает для него слова.

Различие в том, что Спиноза использует это знание для построения системы. Он имеет альтернативную грамматическую модель (иврит) и может стратегически выбирать операторы, дистанцируясь от принуждений латыни. Юм не имеет альтернативы. Он может только фикси-

ровать принуждения своей единственной грамматики. Спиноза — архитектор, который знает, что чертежи условны, и строит здание, зная об этой условности. Юм — инспектор, который не может перестроить здание, но может записать, где трещины и почему они неизбежны.

Тем не менее, оба стоят на одной и той же исходной позиции: грамматика не прозрачна. Это — первая лигатура между ними, лигатура рефлексии над языком.

§2. Трансдукция как общий оператор перехода без логического обоснования.

2.1. Трансдукция у Спинозы: параллелизм и имманентная причина.

Спиноза сталкивается с картезианским разрывом между душой и телом. Декарт показал, что мыслящая субстанция и протяжённая субстанция реально различны. Как они могут взаимодействовать? Декарт честно зафиксировал, что не может этого объяснить, и указал на шишковидную железу как на место необъяснимого.

Спиноза не пытается объяснить взаимодействие — он устраняет сам вопрос. Его решение: нет двух субстанций, есть одна. Душа и тело — не две вещи, а один и тот же модус, выраженный в разных атрибутах. В «Этике» (часть II, теорема 7) он пишет: «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей». Это не вывод, не импликация. Это констатация тождества порядка при различии атрибутов.

Но что здесь является переходом? Переход от мышления к бытию, от идеи к телу, от *cogito* к *sum*. У Декарта этот переход осуществлялся через импликацию «*ergo*» — логический вывод, который разворачивался во времени. У Спинозы нет «*ergo*». Вместо него — «*idem est ac*» (то же самое, что). Это не вывод. Это грамматическое переключение: один и тот же порядок описывается то в терминах атрибута мышления, то в терминах атрибута протяжения. Содержание остаётся тем же — порядок и связь. Меняется атрибут.

В терминах Грамматической машины, Спиноза активирует оператор трансдукции: переключение между атрибутами при сохранении порядка. Он не может обосновать, почему мышление и протяжение — одно и то же. Он может только показать, что это следует из определения субстанции. Но само определение — это операторное решение, а не логическая необходимость. Трансдукция здесь работает, потому что латынь (с её различием атрибутов) и иврит (с его единством действия) вместе предоставляют грамматический ресурс для такого переключения.

2.2. Трансдукция у Юма: от Present Perfect к Future with will.

Юм сталкивается с другим разрывом: между прошлым опытом и будущим ожиданием. Из того, что А всегда сопровождалось В в прошлом, логически не следует, что А будет сопровождаться В в будущем. Индукция не обоснована.

Юм не пытается обосновать индукцию. Он показывает, что мы верим в неё из привычки. Но Грин в своём анализе делает следующий шаг: переход от прошлого к будущему — это не психологический акт, а грамматическая операция. Английский язык предоставляет пару форм: Present Perfect («I have seen fire produce heat») фиксирует связь прошлого с настоящим; Future with will («Fire will produce heat») проецирует эту связь на будущее. Переход от первой формы ко второй — это не логический вывод. Это грамматически разрешённое переключение временной формы. Содержание остаётся тем же — регулярная связь между огнём и теплом. Меняется временная модальность.

Юм не осознаёт этого как грамматической операции. Он называет переход «привычкой» — психологическим именем для трансдукции. Но операторная структура та же: переключение грамматического регистра при сохранении содержания.

2.3. Операторное сходство: трансдукция без обоснования.

И Спиноза, и Юм сталкиваются с разрывом, который нельзя преодолеть логически. Спиноза — между душой и телом, между атрибутами. Юм — между прошлым и будущим, между свидетельством и предсказанием. Оба не пытаются заполнить разрыв логическим мостом. Вместо этого они совершают переключение: Спиноза переключается с атрибута мышления на атрибут протяжения через тождество порядка; Юм переключается с Present Perfect на Future with will через грамматически разрешённый сдвиг.

В обоих случаях содержание остаётся тем же. У Спинозы — порядок и связь. У Юма — регулярная конъюнкция. Меняется грамматическая оболочка. И в обоих случаях переход не обоснован. Спиноза не может доказать, что мышление и протяжение — одно и то же; он только дедуцирует это из определений, но определения — это операторные решения. Юм не может доказать, что будущее будет похоже на прошлое; он только фиксирует, что грамматика делает этот переход автоматическим.

Трансдукция — их общий оператор. Разница в том, что Спиноза онтологизирует её (называет имманентной причиной и параллелизмом), а Юм психологизирует (называет привычкой). Но оператор один и тот же. И оба знают — хотя и по-разному артикулируют это знание, — что логического обоснования нет.

§3. Имманентный гарант вместо трансцендентного.

3.1. У Спинозы: Бог как имманентная причина.

Декарту нужен был Бог-Гарант, чтобы обосновать истинность ясных и отчётливых восприятий. Бог находился вне системы, трансцендентно гарантировал её работу. У Спинозы нет Бога-Гаранта. Его Бог — это субстанция, имманентная причина всего сущего. В «Этике» (часть I, теорема 18) он пишет: «Бог есть имманентная причина всех вещей, а не переходная».

Что это означает операторно? Гарант больше не находится вне системы. Он есть сама система. Истина не требует внешнего удостоверения, потому что адекватная идея содержит свою собственную причину. В схолии к E2P43 Спиноза утверждает: «Истина есть мера себя и ложного». Адекватная идея не нуждается в Боге-Поручителе — она сама себя удостоверяет. Бог имманентен, но он больше не личность, не судья, не гарант в декартовском смысле. Он — структура.

3.2. У Юма: грамматика как имманентный гарант.

У Юма нет Бога. Но проблема гаранта остаётся. Что делает переход от прошлого к будущему разрешённым? Юм отвечает: привычка. Но Грин показывает, что за привычкой стоит грамматика. Present Perfect устанавливает связь прошлого с настоящим. Future with will проецирует её на будущее. Грамматика сама производит эффект связи. Гарант имманентен — он встроен в операторную систему языка. Но у этого гаранта нет лица. Нет того, кто гарантирует. Есть только грамматическая форма, которая делает переход автоматическим.

Юм не осознаёт грамматику как гаранта. Он называет его «привычкой». Но функционально грамматика выполняет ту же работу, что и спинозовская имманентная причина: она делает переход разрешённым без внешней инстанции. Разница в том, что у Спинозы имманентный гарант — это субстанция, онтологическая структура, в которую можно верить. У Юма имманентный гарант — это грамматика, которую нельзя изменить, но в которую не нужно верить. Она просто есть и работает.

3.3. Операторное сходство: отказ от трансцендентного.

И Спиноза, и Юм отказываются от трансцендентного гаранта в том виде, в каком он был у Декарта (Бог-Гарант) или у Лейбница (Бог-Гарант гармонии). Оба помещают гаранта внутрь системы. Спиноза — в субстанцию, которая имманентна всем модусам. Юм — в грамматику, которая имманентна языку. Оба говорят: не нужно внешнего удостоверения. Истина (Спиноза) или связность рассуждения (Юм) обеспечиваются изнутри.

Различие в том, что спинозовский имманентный гарант — это положительная онтология: Бог-субстанция, *causa immanens*. Юмовский имманентный гарант — это пустая форма: грамматика, которая работает, но не может быть обоснована. Спиноза верит в своего гаранта. Юм не верит — он только констатирует его работу. Но отказ от внешней инстанции — общий жест.

§4. Смерть личного «я» как грамматической позиции.

4.1. У Спинозы: нет «я» как субстанции.

Декарт построил философию на «*cogito ergo sum*». «Я» было фундаментом, несомненным остатком после тотального сомнения. Спиноза уничтожает это «я». В ГМ 3.0 нет места для личного, экзистенциального субъекта. Индивидуальная душа — не субстанция, а модус атрибута мышления, соответствующий модусу тела в атрибуте протяжения. Когда тело разрушается, душа как идея этого тела также разрушается. Бессмертие — не личное, а безличное: то, что познаётся под формой вечности, не требует индивидуального носителя.

Спиноза не скорбит об этой утрате. Для него утрата «я» — это освобождение от иллюзии свободы воли, от страха смерти, от тревоги перед судьбой. Свобода — не в «могу сделать иначе», а в «знаю, почему делаю так». Но операторно важно другое: «я» перестаёт быть субстанцией и становится грамматической позицией, производной от модуса тела.

4.2. У Юма: «я» как пучок восприятий и грамматическая фикция.

Юм идёт дальше. Он применяет эмпирический критерий к самому субъекту: есть ли впечатление «я»? Нет. Значит, «я» — фикция. В «Трактате о человеческой природе» он пишет, что «я» — это пучок восприятий, сменяющих друг друга с невообразимой быстротой. Нет никакой субстанции, никакого тождественного носителя.

Но Грин показывает, что Юм не может избавиться от «я» грамматически. Каждое предложение на английском языке требует подлежащего. Юм может теоретически отрицать существование «я», но его грамматика каждым «*I have an impression*» заново его производит. Даже безличные конструкции («*it is observed*», «*there is an impression*») сохраняют грамматическую позицию подлежащего, пусть и заполненную пустыми местоимениями. «Я» не исчезает — оно становится грамматической фикцией, от которой нельзя отказаться, потому что язык не даёт другой формы.

4.3. Операторное сходство: «я» как позиция, а не субстанция.

И Спиноза, и Юм отказываются от «я» как субстанции. Для Спинозы душа — модус, а не субстанция. Для Юма «я» — пучок восприятий, грамматическая фикция. Оба говорят: нет личного бессмертия, нет субстанциального носителя личности, нет свободы воли в декартовском смысле.

Различие в том, что Спиноза заменяет субстанциальное «я» модальным «я» — модусом, который имеет своё место в порядке и связи субстанции. Юм не может дать даже этого. У него «я» — это чистая грамматическая позиция, пустое место, которое занимает местоимение «*I*», потому что язык не позволяет иначе. Спиноза знает, что «я» — это модус, и может описать его место в системе. Юм знает, что «я» — это фикция, и не может выйти за пределы этой фикции.

Но оба сходятся в главном: «я» не есть субстанция. Оба разоблачают картезианское *cogito* как грамматический эффект. И оба платят за это цену — утрату личного бессмертия и свободы воли в традиционном смысле. Это — четвёртая лигатура, соединяющая их через отрицание того, что Декарт считал фундаментом.

§5. Что остаётся различным (и почему сходство не отменяет различий).

После того как четыре сходства зафиксированы, необходимо честно указать, что остаётся различным. Иначе можно было бы ошибочно заключить, что Спиноза и Юм — одно и то же.

Первое различие — режим работы машины. Спиноза работает в режиме необходимости и истины. Его машина дедуцирует, выводит, утверждает. Юм работает в режиме протокола и вероятности. Его машина фиксирует, градуирует уверенность, не утверждая истины.

Второе различие — отношение к гаранту. Спиноза верит в имманентного гаранта (субстанцию, Бога-Природу). Для него это положительная онтология. Юм не верит ни в какого гаранта. Он только констатирует, что грамматика работает. Привычка — это не версия, а констатация.

Третье различие — доступ к альтернативной грамматике. Спиноза знает иврит и может дистанцироваться от латыни. Юм не знает другого языка и заперт в английском. Спиноза может выбирать операторную стратегию. Юм может только регистрировать неизбежное.

Четвёртое различие — наличие надежды. Спиноза строит систему. У него есть экология, есть ответы, есть «ты». Юм составляет протокол. У него нет надежды, нет эколога, нет «ты». Только запись сбоев и тишина после неё.

Сходства, которые мы зафиксировали, проходят через эти различия, не отменяя их. Общая диагностика грамматического принуждения, общая операция трансдукции, общий отказ от трансцендентного гаранта, общая смерть субстанциального «я» — всё это не делает Спинозу и Юма одной машиной. Но это делает их двумя машинами, которые работают на одном и том же структурном разрыве: между тем, что грамматика заставляет говорить, и тем, что может быть обосновано опытом или дедукцией.

Заключение к разделу. Две фазы одной рефлексии.

Спиноза и Юм — не противники, если смотреть на них с операторной высоты. Они — две фазы одной рефлексии над грамматической обусловленностью мысли.

Спиноза — первая фаза: осознание, что грамматика не нейтральна, и стратегическое использование этого осознания для построения монистической онтологии. Он строит теплицу, зная, что стены — из грамматики, но верит, что воздух внутри — кислород истины.

Юм — вторая фаза: осознание, что грамматика не нейтральна, и невозможность выйти за её пределы. Он не строит теплицы. Он входит в теплицу Спинозы (не зная о ней) и видит, что стены — это грамматические операторы. Он фиксирует это. Он не верит в кислород. Он записывает состав воздуха и идёт дальше.

Лигатура между ними — не в ответах, а в вопросе. Оба спрашивают: как язык делает мысль возможной и одновременно делает её фиктивной? Оба отвечают по-разному. Но сам вопрос — общий. И в этом — неожиданное операторное сходство между философом необходимости и философом вероятности.

Грамматическая машина, которая их сплавляет, не выбирает между ними. Она удерживает напряжение. И это удержание — единственное, что можно назвать прогрессом в понимании того, как язык формирует философию. Спиноза и Юм — это не тезис и антитезис. Это два голоса одной и той же грамматической рефлексии. Один голос строит. Второй — записывает скрежет. Машина работает. И не остановится. Но теперь мы знаем, что оба голоса — одной машины.

Часть III. Мета-операторы, апория и лигатура: от Локка и Беркли к Юму, Спинозе и Лейбницу как двум фазам одной рефлексии.

Введение к Части III. Что добавляет Грин.

Томас Грин в своём анализе Юма совершил нечто большее, чем просто «перевод» юмовского скептицизма на операторный язык. Он восстановил линию, идущую от Локка через Беркли к Юму, и показал, что на каждом этапе этой линии эмпиризм наталкивается на грамматические ограничения, которые не может преодолеть.

Локк начал программу *tabula rasa*, но оставил фатальную многозначность «идеи». Беркли радикализовал эмпирический критерий, применив его к материальной субстанции, но остановился перед субъектом и Богом. Юм применил тот же критерий к самому субъекту и обнаружил, что не может избавиться от грамматической позиции «я». Грин зафиксировал, что это не психологическая неудача Юма, а структурная граница английской грамматики.

Но Грин не был компаративистом в современном смысле. Он не сравнивал Юма со Спинозой или Лейбницем. Задача этого тома — сделать следующий шаг: показать, что линия Локк — Беркли — Юм (эмпиризм, протокол) и линия Спиноза — Лейбниц (рационализм, конструктивная рефлексия) — это две фазы одной и той же операторной работы. Грин дал нам инструмент для анализа одной фазы. Теперь мы применяем его к обеим.

В этой Части мы:

Восстанавливаем линию Локк — Беркли — Юм и показываем, что именно Грин добавляет к ней.

Фиксируем, что Локк и Беркли ещё не достигают рефлексии над грамматическим принуждением (они работают внутри своих грамматик, не видя их стен).

Показываем, что Юм — первый, кто начинает видеть стены, но не может их преодолеть (вторая фаза рефлексии).

Сопоставляем эту линию с линией Спинозы и Лейбница, которые видят стены и строят внутри них (первая фаза рефлексии).

Вводим понятие **двух фаз одной рефлексии** как обобщающей лигатуры между эмпиризмом и рационализмом.

Глава 1. Линия Локк — Беркли — Юм: эмпиризм как нарастающая рефлексия.

1.1. Локк: *tabula rasa*, но нерелексивная грамматика.

Джон Локк начал эмпиристскую программу с отказа от врождённых идей. Ум — *tabula rasa*, все идеи происходят из опыта. Но Локк не подверг рефлексии свой собственный язык. Он использовал слово «*idea*» для обозначения и акта восприятия, и содержания восприятия, и качества вещи. Английское слово «*idea*» покрывало все три смысла, создавая неявное смешение от процесса к объекту.

В терминах Грамматической машины, Локк активизирует операторы A1-IMPRESSION и A2-COPUL (артикли), но не осознаёт их работы. Для него «*an idea*» и «*the idea*» — это стилистические варианты, а не операторы, производящие разные онтологические эффекты. Локк различает реальную и номинальную сущность, но не видит, что номинальная сущность — это не просто имя, а грамматическая конструкция, которая сама производит эффект сущности.

Грин, анализируя Юма, показывает, что Локк остановился на полпути. Он знал, что реальная сущность непознаваема, но не сделал следующего шага: не показал, что номинальная сущность — это грамматическая фикция, которую можно анализировать операторно. Локк всё ещё верил, что язык — нейтральный инструмент выражения мыслей, а не активный производитель онтологических эффектов.

1.2. Беркли: радикальная чистка, остановленная перед субъектом.

Джордж Беркли применил локковский эмпирический критерий к материальной субстанции. Если у нас нет идеи материальной субстанции, то слово «материя» пусто. *Esse est percipi*. Беркли совершил радикальную чистку онтологии, устранив материальный мир как самостоятельную сущность.

Но Беркли остановился. Он сохранил «дух» (*mind, spirit*) как воспринимающее начало и Бога как гаранта регулярности восприятий. «Дух» познаётся не через идею, а через «понятие» (*notion*), что является исключением из принципа «*esse est percipi*». С грамматической точки зрения, Беркли сохранил субъект («*I*») как необходимую грамматическую позицию, придав ей онтологический статус активной субстанции.

Грин показывает, что Беркли, как и Локк, не рефлексировал над грамматикой. Он использовал английский язык, не видя его операторной структуры. Он сохранил «*I*» как нечто само собой разумеющееся, не задав вопроса: а есть ли впечатление «я»? Этот вопрос задаст Юм. Беркли — чистильщик, который выбросил материю, но не тронул субъект.

1.3. Юм: рефлексия над грамматикой как протокол.

Юм применил берклианский критерий к самому субъекту. Есть ли впечатление «я»? Нет. Следовательно, у нас нет основания утверждать существование «я» как субстанции. «Я» становится именем для пучка восприятий, грамматической фикцией.

Но Юм не остановился на этом выводе, как Беркли остановился перед субъектом. Он пошёл дальше. Он попытался говорить о потоке впечатлений без субъекта. И обнаружил, что не может. Английская грамматика требует подлежащего в каждом предложении. Он пытался использовать безличные конструкции («*it is observed*», «*there is an impression*»), но «*it*» и «*there*» — это тоже грамматические субъекты, пустые позиции. Он не может избавиться от позиции, может только опустошить её.

Что добавляет Грин. Грин не просто пересказывает Юма. Он показывает, что юмовский скептицизм — это не психологическое состояние и не эпистемологическая позиция. Это **индикатор структурного конфликта** между онтологией чистого процесса и грамматикой английского предложения. Грин переводит этот конфликт на операторный язык: артикль «*the*»

производит фикцию тождества, порядок слов SVO симулирует причинность, связка «is» склеивает существование и предикацию.

Локк и Беркли не могли этого увидеть, потому что они оставались внутри грамматики, не рефлектируя над ней. Юм начал рефлектировать, но не имел метаязыка для описания своих наблюдений. Грин дал этот метаязык. Он показал, что Юм — первый философ, который зафиксировал работу Грамматической машины, не имея возможности её остановить.

1.4. Операторная фиксация линии.

Линия Локк — Беркли — Юм может быть зафиксирована как нарастающая рефлексия над грамматическим принуждением.

Локк использует артикли и связку, не осознавая их операторной работы. Его мета-оператор: META: mode=unreflective. Он всё ещё верит в нейтральность языка.

Беркли радикализует эмпирический критерий, но сохраняет грамматическую позицию субъекта без рефлексии. Его мета-оператор: META: mode=unreflective-except-subject. Он видит фиктивность материи, но не видит фиктивности «я».

Юм применяет критерий к субъекту, обнаруживает фиктивность «я» и пытается говорить без него. Он осознаёт, что грамматика сопротивляется, и фиксирует это сопротивление. Его мета-оператор: META: mode=protocol. Это первая фаза рефлексии, но ещё не конструктивная — только протокольная.

Грин переводит протокол Юма на операторный язык. Он показывает, что конфликт не психологический, а грамматический. Его мета-оператор: META: mode=diagnostic. Он даёт имена операторам, которые Юм только чувствовал.

Глава 2. Две фазы одной рефлексии: Спиноза, Лейбниц и Юм.

2.1. Что такое рефлексия над грамматическим принуждением.

Рефлексия над грамматическим принуждением — это способность философа увидеть, что его язык не является нейтральным инструментом выражения готовой мысли, что грамматические структуры предрасполагают к определённым онтологическим решениям.

Такая рефлексия может принимать две формы.

Первая фаза — конструктивная. Философ осознаёт грамматическое принуждение, но использует это осознание как ресурс для построения системы. Он переопределяет термины, заимствует операторы из других грамматик, мутирует значения. Он строит здание, зная, что фундамент условен, но это знание не парализует строительство. Примерами конструктивной фазы являются **Спиноза** (использующий иврит как контр-модель для латыни) и **Лейбниц** (использующий «comme si» для фикционалистского моделирования).

Вторая фаза — протокольная. Философ осознаёт грамматическое принуждение, но не может найти выхода. Он не строит систему, потому что любая система будет воспроизводить те же фикции. Вместо этого он фиксирует работу операторов, регистрирует сбои, составляет протокол. Примером протокольной фазы является **Юм**.

Локк и Беркли не достигают ни первой, ни второй фазы. Они остаются внутри своих грамматик, не видя их стен. Юм — первый, кто начинает видеть стены, но не может их преодолеть. Спиноза и Лейбниц — видят стены и строят внутри них.

2.2. Спиноза: конструктивная фаза в чистом виде.

Спиноза знает, что латынь — не единственный возможный язык философии. Он владеет ивритом, который устроен принципиально иначе: глагольная основа вместо субстантивной, отсутствие падежей, глагольное имя Бога. Это знание даёт ему дистанцию. Он видит, что латинская субстантивация атрибутов (*cogitatio, extensio*) — не онтологическая необходимость, а грамматическая возможность.

Спиноза не отказывается от латыни. Он пишет «Этику» на латыни, но использует её с внутренней дистанцией. Его «*Deus sive Natura*» — это грамматический жест, снимающий дуализм имён. Союз «*sive*» (или, что то же самое) был бы невозможен без знания ивритской альтернативы, где имя Бога — глагольная форма будущего времени, а не субстантивированное причастие.

Спиноза строит систему монизма, зная, что его инструменты условны. Но это знание не превращается в скептицизм. Он верит, что его дедукция из определений ведёт к истине. Конструктивная фаза здесь — строительство с осознанием условности фундамента, но без паралича. Мета-оператор Спинозы: META: mode=constructive-without-paralysis.

2.3. Лейбниц: между конструктивной фазой и знанием о фикции.

Лейбниц занимает промежуточное положение. С одной стороны, он — строитель системы. Монадология, предустановленная гармония, теодицея — всё это грандиозные конструктивные проекты. Он использует французский язык с его ресурсами: неопределённый артикль «*une*» (единичность без субстанции), конструкция «*comme si*» (фикционалистское моделирование), безличное местоимение «*on*» (распределённая субъектность).

С другой стороны, Лейбниц знает, что его операторы — это операторы. «*Comme si*» не утверждает, что монады действительно взаимодействуют. Он утверждает, что они ведут себя так, как если бы взаимодействовали. Лейбниц знает о фикциональности своего главного оператора. Но он не останавливается. Он помещает гаранта этой фикции в Бога.

Лейбниц — это первая фаза, которая уже заглянула во вторую. Он знает, что его мосты — из грамматики. Но он продолжает по ним ходить, потому что верит в Гаранта. Его мета-оператор: `META: mode=constructive-with-as-if`.

2.4. Юм: протокольная фаза в чистом виде.

Юм не имеет альтернативной грамматической модели. Он заперт в английском языке. Но он честно фиксирует работу этого языка. Он показывает, что в опыте нет того, что грамматика заставляет утверждать. Нет впечатления «я» — но каждое предложение требует «I». Нет необходимой связи причины и следствия — но порядок слов *SVO* симулирует причинность. Нет тождества во времени — но артикль «the» создаёт эффект тождества.

Юм не строит систему. Он составляет протокол. Его скептицизм — это не философская позиция, которую можно принять или отвергнуть. Это индикатор работы грамматической машины. Юм не может остановить эту машину. Он может только записать, как она работает. Его мета-оператор: `META: mode=protocol`.

2.5. Что Грин добавляет к пониманию двух фаз.

Грин не анализировал Спинозу и Лейбница. Но его анализ Юма даёт ключ к пониманию того, почему Спиноза и Лейбниц смогли остаться в конструктивной фазе, а Юм — нет. Ответ: грамматика.

Спиноза (латынь + иврит) имел грамматические ресурсы для обхода апорий: нулевая связка, дательный субъекта, глагольное имя Бога. Лейбниц (французский) имел «*comme si*» для маркировки фикциональности. Юм (английский) не имел ничего подобного. Английский язык с его обязательной связкой, фиксированным порядком слов и именительным субъектом не дал Юму инструментов для конструктивной фазы. Единственное, что оставалось, — протокол.

Грин не мог сформулировать это как компаративистский тезис, потому что он не был компаративистом. Но его операторный анализ Юма создал условия для такого сравнения. Мы делаем этот шаг сейчас: две фазы — это не выбор философа, а в значительной степени следствие грамматического арсенала его языка.

Глава 3. Трансдукция как общий оператор трёх машин.

3.1. Определение трансдукции.

Трансдукция — это переключение грамматической модальности, временной формы или атрибута при сохранении содержания. Она не является логическим выводом. Она является грамматически разрешённым переходом.

Все три мыслителя сталкиваются с ситуацией, где логический вывод невозможен, но переход необходим. И все три совершают трансдукцию — под разными именами.

3.2. Трансдукция у Спинозы: параллелизм.

Спиноза сталкивается с картезианским разрывом между душой и телом. Логического вывода от мышления к протяжению нет. Спиноза совершает переключение: «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей». Содержание (порядок и связь) остаётся тем же. Меняется атрибут. Спиноза онтологизирует этот переход, называя его параллелизмом.

3.3. Трансдукция у Лейбница: «comme si».

Лейбниц сталкивается с проблемой согласования изолированных монад. Логического вывода от изоляции к гармонии нет. Лейбниц переключает модальность: он говорит не «монады взаимодействуют», а «монады ведут себя так, как если бы они взаимодействовали». Содержание (согласованность) остаётся тем же. Меняется модальность. Лейбниц легитимирует этот переход через Бога.

3.4. Трансдукция у Юма: от Present Perfect к Future with will.

Юм сталкивается с разрывом между прошлым и будущим. Логического вывода от «I have seen» к «fire will produce» нет. Юм переключает временную форму. Содержание (регулярная связь) остаётся тем же. Меняется время. Юм не онтологизирует переход и не легитимирует его через Бога. Он психологизирует его: называет «привычкой».

3.5. Операторное сходство.

Три мыслителя, три имени перехода: параллелизм, предустановленная гармония, привычка. Но оператор один — трансдукция. Разница в том, как каждый относится к этому оператору. Спиноза верит в него. Лейбниц знает о его фикциональности, но верит в Гаранта. Юм не верит ни во что, но констатирует, что переход происходит.

Операторная фиксация: META-TRANSDUCTION в трёх модусах:

mode=ontological — у Спинозы

mode=as-if-justified — у Лейбница

mode=unjustified-protocol — у Юма

Глава 4. Имманентный гарант и смерть субстанциального «я».

4.1. Отказ от трансцендентного гаранта.

Декарту нужен был Бог-Гарант. Лейбниц сохраняет трансцендентного Бога, но в другой функции. Спиноза и Юм отказываются от трансцендентного гаранта — каждый по-своему.

Спиноза помещает гаранта внутрь системы. Его Бог — имманентная причина, субстанция. Истина не требует внешнего удостоверения, потому что адекватная идея содержит свою причину.

Юм также отказывается от трансцендентного гаранта, но не предлагает имманентной субстанции вместо него. Вопрос о гаранте остаётся открытым. Грамматика (Present Perfect, will) сама производит эффект связи. Гарант имманентен, но у него нет лица. Это не субстанция, а форма.

4.2. Смерть субстанциального «я».

Спиноза заменяет субстанциальное «я» модальным «я» (модус). Лейбниц сохраняет множественность субстанций, но каждая монада — это не «я» в картезианском смысле, а перспектива. Юм применяет эмпирический критерий к субъекту: нет впечатления «я», следовательно, «я» — фикция, грамматическая позиция.

Локк и Беркли не дошли до этого. Локк сохранил «я» как нечто само собой разумеющееся. Беркли сохранил «дух» как исключение из своего же принципа. Юм — первый, кто применил эмпирический критерий последовательно и обнаружил, что «я» не выдерживает проверки.

4.3. Что добавляет Грин к этой линии.

Грин показывает, что юмовское «я» как пучок восприятий — это не положительная модель, а описание отсутствия. Юм не говорит, что такое «я» на самом деле. Он говорит, что его нет в опыте, а в языке оно есть как фикция. Грин переводит эту фикцию на операторный язык: определённый артикль «the» в анафорической цепочке создаёт эффект тождества там, где в опыте есть только сходство.

Локк и Беркли не могли этого увидеть, потому что они не рефлексировали над артиклями. Юм почувствовал проблему, но не имел языка для её описания. Грин дал этот язык.

Заключение к Части III. Линия Локк — Беркли — Юм и две фазы рефлексии.

Линия Локк — Беркли — Юм — это линия нарастающей рефлексии над грамматическим принуждением. Локк ещё не видит стен. Беркли видит стену материи, но не видит стены субъекта. Юм видит обе стены и пытается говорить без них, но обнаруживает, что не может. Он составляет протокол.

Спиноза и Лейбниц находятся в другой линии — линии конструктивной рефлексии. Они тоже видят стены (Спиноза — через знание иврита, Лейбниц — через оператор «comme si»). Но они не просто фиксируют стены. Они строят внутри них. Спиноза строит теплицу монизма. Лейбниц строит теплицу гармонии. Юм не строит теплицы. Он открывает дверь и чувствует сквозняк.

Что добавляет Грин? Грин даёт операторный язык для описания обеих линий. Он показывает, что Локк, Беркли и Юм работают с одними и теми же грамматическими операторами (артикли, порядок слов, связка), но с разной степенью рефлексии. Он показывает, что Юм — первый, кто достигает протокольной фазы, но не может перейти в конструктивную из-за грамматических ограничений английского языка.

Две фазы одной рефлексии — конструктивная (Спиноза, Лейбниц) и протокольная (Юм) — не отменяют друг друга. Они сосуществуют. Гибридная Грамматическая машина, описанная в Части IV, должна уметь переключаться между ними: в одних задачах — строить системы, зная об условности фундамента (конструктивная фаза), в других — фиксировать границы, маркировать фикции, вести протокол (протокольная фаза). Грин дал нам язык для второй фазы. Теперь мы можем применить его к обеим.

Часть IV. Алгоритмы. Грамматические операторы и напряжение тождества.

Глава 1. Артикль как инструмент онтологического различения (A1-IMPRESSION / A2-COPUL / A3-VOID).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.